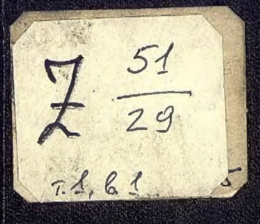
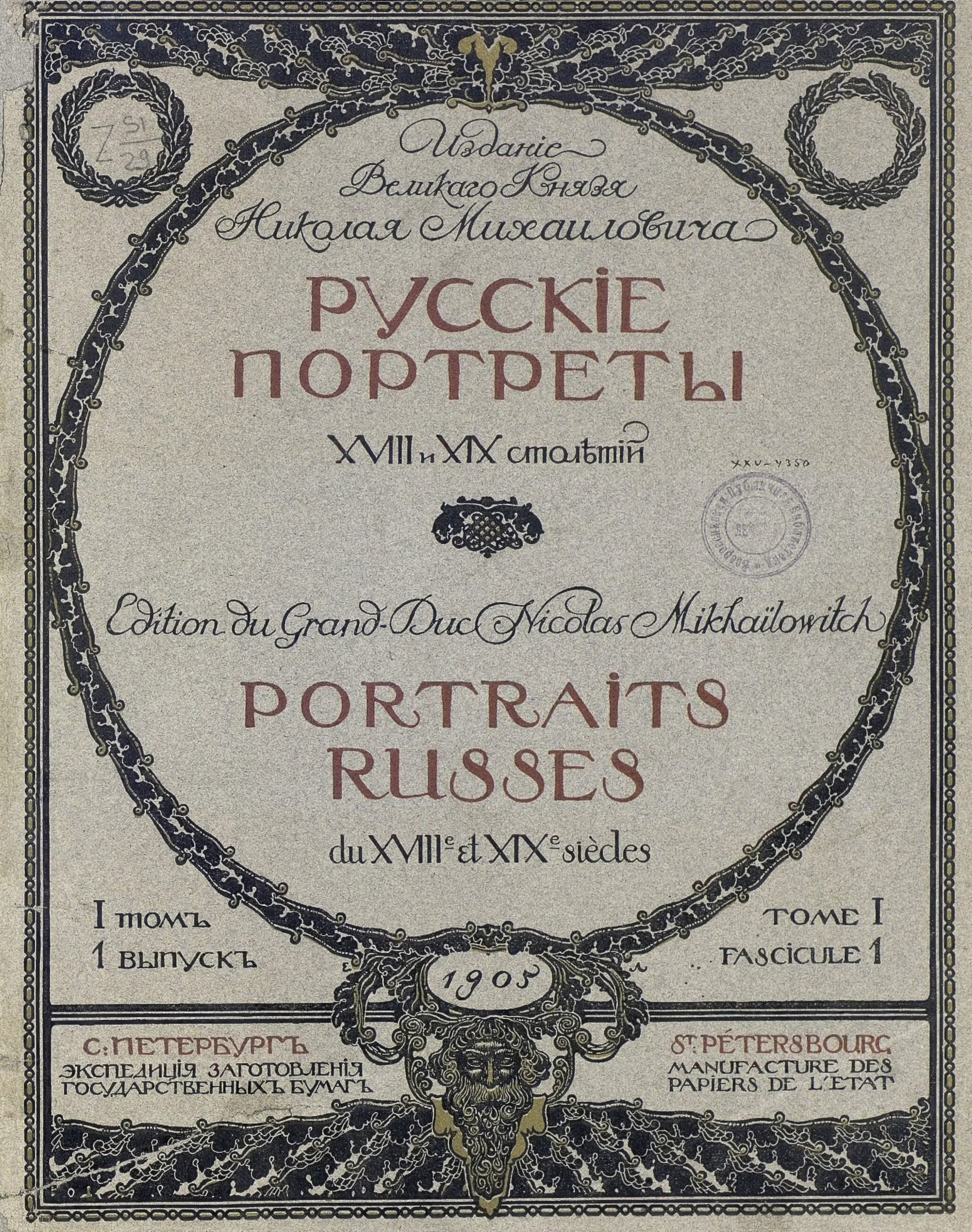

Z 51/29
T.1, B.1

Изданіе
Великаго Князя
Николая Михаиловича
РУССКІЕ
ПОРТРЕТЫ
XVIII и XIX столѣтій
Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch
PORTRAITS
RUSSES
du XVIIIe et XIXe siècles
I томъ
1 выпускъ
TOME I
FASCICULE 1
1905
С. ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
St. PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES
PAPIERS DE L'ETAT

Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

XVIII и XIX столѣтій

ТОМЪ I

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ
1905

Edition du Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

PORTRAITS RUSSES

des XVIIIe et XIXe siècles

TOME I

S[T]-PÉTERSBOURG
MANUFACTURE DES PAPIERS DE L'ÉTAT
1905

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

PORTRAITS RUSSES

РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ

PORTRAITS RUSSES

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 4 Декабря 1904 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

Нѣкоторыя поправки и дополненія.

Текстъ:

№ 14.— „Подъ Кюстриномъ“ вмѣсто напечатаннаго ошибочно — „подъ Кюбриномъ“.

№ 26.— Въ журналѣ Стан. Понятовскаго, по поводу праздника въ Останкинѣ 7 Мая 1797 г., сказано: „Нынѣшній Императоръ до сихъ поръ только разъ дозволилъ написать свой поясной портретъ. Графъ Шереметевъ приказалъ снять копію съ него во весь ростъ. Исполненіе послѣдней превосходитъ самый оригиналъ, сохранивъ при этомъ удивительное сходство“.

№ 51.— Въ 1810 г. Дюбуа писалъ, по заказу М. А. Нарышкиной, портретъ княгини Суворовой; по отзыву А. Х. Бенкендорфа — „верхъ совершенства по сходству и по работѣ“. Гдѣ находится, намъ неизвѣстно.

№ 64.— У князя Н. Г. Репнина было 3 дочери.

№ 84.— День рожденія Булгакова неизвѣстенъ: самъ онъ считалъ 25 Декабря, отецъ — 27, мать — 29, тетка — 31. „Кому вѣрить? Выгоднѣе всего принять послѣднее—буду моложе“ (Р. Арх., 1902, III, 495). Беннеръ писалъ еще другой портретъ К. Я. Булгакова въ 1818 г.; принадлежитъ Е. К. Булгаковой, въ С.-Петербургѣ.

№ 90.— Княгиня В. И. Голицына была за княземъ М. А. Волконскимъ (а не за княземъ Вяземскимъ).

№ 114.— Графиня М. Ф. Зубова подъ конецъ жизни была разбита параличемъ; въ 1803 г. еще ѣздили смотрѣть, какъ она „танцуетъ шаль“. Отличалась веселостью и легкомысліемъ. (Нѣкоторыя свѣдѣнія о ней и отношеніяхъ ея къ князю П. П. Долгорукому (№ 154) имѣются въ письмахъ С. П. Марина къ графу М. С. Воронцову. См. Архивъ кн. Воронцова, XXXV). Портретъ ея, писанный В.-Лебренъ, въ настоящее время принадлежитъ княгинѣ Вѣрѣ Федоровнѣ Гагариной, въ С.-Петербургѣ.

№ 167.— О. Кипренскій также писалъ портретъ Н. В. Булгаковой. Гдѣ онъ находится въ настоящее время, намъ неизвѣстно.

Таблицы:

II.— Императрица Елисавета Алексѣевна умерла въ 1826 г.

XI.— Годъ смерти графини Е. П. Ростопчиной—1859 (а не 1856).

LVIII.— Князь П. Г. Гагаринъ (№ 67) умеръ въ 1850 г. (опечатка 1805).

LXXII.— Графъ А. Н. Зубовъ умеръ въ 1795 г. (а не въ 1793 г.), опечатка и въ текстѣ (№ 109).

LXXXIX.—Графъ Н. Н. Головинъ (№ 162), 1756—1821 (а не 176.—1820).

ADDITIONS.

№ 26.—A propos de la fête du 7 mai 1797 à Ostankino, on lit dans le Journal de Stanislas Poniatowsky: „L'Empereur actuel n'a permis qu'une fois de faire son portrait à mi-taille. Le comte Chéréméteff en a fait faire une copie en pied: l'exécution de cette copie est encore supérieure à celle de l'original et conserve en même temps une ressemblance étonnante“.

№ 51.—En 1810, Marie Antonowna Narychkine fit faire à Dubois le portrait de la princesse Souvoroff; au témoignage de Benkendorff, c'est „le comble de l'art comme ressemblance et comme exécution“. Nous ne savons où se trouve ce portrait.

№ 84.—Le jour de la naissance de Boulgakoff est inconnu: lui-même prenait le 25 décembre, son père le 27, sa mère le 29, sa tante le 31. „A qui s'en rapporter? Le plus avantageux est encore le dernier: cela me rajeunit“ (Archive Russe, 1902, III, 495). Il y a un autre portrait de Constantin Boulgakoff, par Benner, qui date de 1818 et appartient à Mlle C. Boulgakoff, à St-Pétersbourg.

№ 114.—La comtesse Zouboff devint paralytique à la fin de sa vie. En 1803, on allait encore la voir danser la „danse du châle“. Elle se faisait remarquer par sa gaîté et sa frivolité. (On trouve des renseignements sur elle et ses rapports avec le prince P. Dolgorouky (№ 154) dans les lettres de S. Marine au comte M. Worontzoff. V. Archive Worontzoff, XXXV). Il y a un portrait d'elle, par Vigée-Lebrun, qui appartient actuellement à la princesse Véra Féodorowna Gagarine, à St-Pétersbourg.

№ 167.—Il existe également un portrait de Mme Boulgakoff par Kiprensky. Nous ne savons où il se trouve actuellement.

ERRATA.

Numéro	*ligne*	*au lieu de:*	*lire:*
2	*Planche (II)*	1825	1826
10	3 *du haut*	Marie	Marthe
11	*Planche (XI)*	1856	1859
21	5 *du haut*	Golitzyne	Golovine
28	15 ,, ,,	Zélinsky	Zélensky
29	12 *du bas*	le comte Poutiata	Poutiata
31	8 *du haut*	princesse	comtesse
33	6 ,, ,,	comte	prince
53	17 *du bas*	Vichnevtchina	Vichnevtchik
56	6 *du haut*	Vichnevtchino	Vichnevtchik
64	5 *du bas*	deux	trois
67	*Planche (LVIII)*	1805	1850
81	19 *du bas*	tout en	tout au contraire, en
,,	10 ,, ,,	de Werner	de Vernègue
83	15 ,, ,,	Mlle Matzneff	Mme Vve Matzneff
87	8 ,, ,,	1808	1818
90	3 *du haut*	Viazemsky	Wolkonsky
91	10 ,, ,,	prince	comte
92	18 *du bas*	Ivan	Hippolyte
93	22 *du haut*	1850	1859
96	8 *du bas*	Volkhovitinoff	Bolkhovitinoff
109	1 *du haut*	1793	1795
,,	2 *du bas*	Sophie	Elisabeth
,,	*Planche (LXXII)*	1793	1795
113	*Note du bas*	Chamissaud	Chamisso
125	,, ,, ,,	C.	E.
127	22 *du haut*	1778	1788
135	3 *du bas*	N.	P.
162	*Planche (LXXXIX)*	176.—1820	1756—1821

Въ I томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“, въ составленіи текста біографическихъ очерковъ, участвовали слѣдующіе сотрудники: К. А. Военскій, А. А. Голомбіевскій, С. Н. Казнаковъ, Б. Л. Модзалевскій, Н. П. Чулковъ, Е. С. Шумигорскій.

Ont collaboré à la rédaction des esquisses biographiques du Tome I des PORTRAITS RUSSES: E. Choumigorsky, A. Golombiewsky, S. Kaznakoff, B. Modzalewsky, N. Tchoulkoff, C. Voïensky.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

INDEX ALPHABÉTIQUE DES PERSONNAGES.

Алфавитный указатель художниковъ,

произведенія которыхъ помѣщены въ I томѣ изданія „РУССКІЕ ПОРТРЕТЫ“ *).

---

*) Цифры указываютъ №№ портретовъ.

Index alphabétique des Artistes

dont les œuvres figurent au Tome I des PORTRAITS RUSSES.

(Les numéros sont ceux des portraits.)

Изданіе—„Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій"—будетъ заключать въ себѣ снимки съ портретовъ и миніатюръ русскихъ людей эпохи царствованій Императрицы Екатерины II и Императоровъ Павла I и Александра I, т.-е. жившихъ и дѣйствовавшихъ между 1762 и 1825 годами. Эти хронологическіе предѣлы будутъ, однако, по необходимости расширены, ибо жизнь не умѣщается въ такія точныя хронологическія грани. Государственный человѣкъ времени Екатерины II нерѣдко значительной, а иногда и большей частью своей жизни принадлежитъ царствованію Императрицы Елизаветы Петровны, такъ же, какъ начавшій службу при Павлѣ и Александрѣ I часто продолжаетъ свою дѣятельность и умираетъ въ царствованіе Николая Павловича. Такія лица, конечно, должны найти себѣ мѣсто въ изданіи, куда войдутъ не только крупные государственные дѣятели, но и люди частной жизни, почти не оставившіе по себѣ памяти въ исторіи.

Появленіе настоящаго изданія вызвано желаніемъ дать Сборникъ снимковъ съ портретовъ и миніатюръ, писанныхъ масляными красками, пастелью и акварельныхъ, съ цѣлью ознакомить по возможности интересующихся этимъ съ богатымъ иконографическимъ матеріаломъ, разсѣяннымъ по многочисленнымъ собраніямъ, нерѣдко мало доступнымъ.

Преимущество, естественно, будетъ отдаваться оригиналамъ извѣстныхъ мастеровъ, но новый типъ, возрастъ болѣе соотвѣтствующій избранной эпохѣ и другія соображенія могутъ склонить выборъ въ иныхъ случаяхъ въ пользу второстепенныхъ и неизвѣстныхъ оригиналовъ; войдутъ сюда также изображенія, интересныя въ историческомъ отношеніи, но мало удовлетворительныя художественно, если издателю не будетъ извѣстно другого лучшаго оригинала даннаго лица. Кромѣ того, появится извѣстное число портретовъ совсѣмъ неизвѣстныхъ, въ надеждѣ, что путемъ опубликованія нѣкоторые изъ нихъ опредѣлятся и пополнятъ свѣдѣнія исторической иконографіи. Къ изображеніямъ мужей нерѣдко будутъ присоединены портреты женъ, къ знаменитымъ отцамъ менѣе извѣстныя дѣти, и наоборотъ.

Въ изданіи не устанавливается системы въ расположеніи портретовъ. Оно не будетъ словаремъ портретовъ, а только, можетъ-быть, современемъ послужитъ матеріаломъ для будущаго словаря, но къ каждому тому будетъ приложенъ алфавитный указатель, а вмѣстѣ съ послѣднимъ томомъ выйдетъ общій указатель ко всѣмъ томамъ. Каждое изображеніе будетъ сопровождаться краткой біографіей даннаго лица на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Матеріалами для изданія служатъ оригиналы—портреты и миніатюры, находящіеся во дворцахъ, музеяхъ, галлереяхъ и, преимущественно, составляющіе частную собственность. Въ настоящее время въ распоряженіи издателя уже имѣется свыше 2000 снимковъ, и число это быстро увеличивается.

Ежегодно будетъ выпущенъ одинъ томъ, состоящій изъ 4 выпусковъ и 100 таблицъ, изъ которыхъ 50 (I—L) будутъ исполнены геліогравюрой, а остальныя 50 (LI—C)— фототипіей. Первый способъ примѣняется къ выдающимся своими художественными качествами портретамъ, помѣщаемымъ по одному на листѣ, фототипій же можетъ быть воспроизведено на каждой таблицѣ отъ 1 до 4 изображеній, при чемъ всего портретовъ и миніатюръ въ каждомъ томѣ будетъ помѣщено около 200. Изданіе печатается въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ въ форматѣ in-4° (27×35 с/м.).

Излишне льстить себя надеждой, что изданіе будетъ чуждо недостатковъ: трудность выбора среди множества лицъ и изъ большого числа оригиналовъ, перѣдко одинаковаго достоинства, спорность оцѣнки, постоянное пополненіе матеріала, недостатокъ біографическихъ свѣдѣній или сомнѣніе въ точности опредѣленія изображеннаго лица—вотъ затрудненія, которыя ожидаютъ издателя уже съ первыхъ шаговъ.

Цѣль будетъ достигнута, если изданіе дастъ значительное число портретовъ русскихъ людей второй половины XVIII и начала XIX столѣтій, и если этимъ путемъ издателю удастся сохранить навсегда изображенія, оригиналы которыхъ, быть-можетъ, погибнутъ затѣмъ отъ времени и неблагопріятныхъ условій храненія или безслѣдно исчезнутъ, какъ это часто случается, въ составѣ цѣлыхъ, обширныхъ и цѣнныхъ фамильныхъ собраній.

Великій Князь Николай Михаиловичъ

СПБ. 14 Ноября 1904 г.

Sous ce titre de «Portraits Russes des XVIIIe et XIXe siècles», on a réuni des reproductions de portraits et miniatures de personnages russes de l'époque des règnes de l'Impératrice Catherine II et des Empereurs Paul Ier et Alexandre Ier, c'est-à-dire dont la vie et la carrière s'étendent de 1762 à 1825. Toutefois ces limites chronologiques se trouveront nécessairement élargies, car la vie ne s'accommode pas de cadres chronologiques rigoureux. Un personnage du temps de Catherine II appartient parfois par une bonne partie de sa vie, sinon par la plus grande, au règne de l'Impératrice Elisabeth Pétrowna, et de même, une carrière commencée sous Paul Ier et Alexandre Ier se continue et se termine souvent sous le règne de Nicolas Pavlowitch: dans ces conditions, un personnage a naturellement sa place marquée dans un recueil consacré non seulement aux hommes d'état marquants, mais aussi à des figures n'ayant aucun caractère public et n'ayant laissé presque aucun souvenir dans l'histoire.

La présente publication a pour but d'offrir un recueil de reproductions de portraits et miniatures, à l'huile, au pastel ou à l'aquarelle, et de porter à la connaissance des amateurs de riches matériaux iconographiques disséminés dans de nombreuses collections, parfois difficilement accessibles.

La préférence sera naturellement donnée aux originaux de maîtres connus, mais la nouveauté du type, un âge mieux en rapport avec l'époque considérée et d'autres considérations pourront, le cas échéant, faire pencher le choix en faveur d'originaux de second ordre et inconnus. On y trouvera également des reproductions intéressantes au point de vue historique, mais sans valeur artistique, comme pis-aller et faute d'autre original plus satisfaisant. En outre, on y a fait entrer un certain nombre de portraits absolument inconnus, dans l'espoir que leur publication permettra de les mieux déterminer et de combler ainsi une lacune de l'iconographie historique. La reproduction d'un personnage marié sera parfois accompagnée de celle de sa femme, celle d'un père célèbre de celle d'enfants moins connus, et inversement.

Il n'a été adopté aucun ordre systématique pour la disposition des matériaux. L'ouvrage ne sera pas un dictionnaire de portraits, mais deviendra peut-être avec le temps un recueil de matériaux pour servir à un tel dictionnaire: chaque volume sera suivi d'un index alphabétique, et le dernier comportera un index général de tous les volumes. Chaque reproduction sera accompagnée d'une courte biographie en russe et en français.

Les originaux servant de matériaux sont des portraits et miniatures conservés dans des palais, musées, galeries et surtout faisant partie de collections particulières. L'éditeur en a actuellement plus de 2000 à sa disposition, et le nombre en augmente rapidement.

Il sera publié annuellement un volume composé de 4 fascicules et comprenant 100 planches, dont 50 (I—L) seront exécutées en héliogravure et les 50 autres (LI—C) en phototypie. Le premier procédé sera appliqué aux spécimens présentant une réelle valeur artistique, et dont chacun occupera une planche entière, tandis que la phototypie permet de reproduire de 1 à 4 portraits sur une même planche. Le nombre total de portraits et de miniatures sera d'environ 200 par volume. L'ouvrage sortira des ateliers de la Manufacture des papiers de l'Etat et sera de format in-4° (27×35 cm.).

On ne saurait se flatter de l'espoir que la présente publication sera exempte de défauts: l'embarras du choix en présence du grand nombre des personnages et de l'abondance d'originaux parfois de mérite égal, la difficulté d'une appréciation exacte, l'afflux constant de matériaux supplémentaires, l'insuffisance des données biographiques et l'incertitude possible des identifications, telles sont les difficultés avec lesquelles l'auteur se trouve aux prises dès l'abord.

Le but sera atteint, si l'ouvrage donne un nombre considérable de portraits de personnages russes de la seconde moitié du XVIIIe et du commencement du XIXe siècle, et si l'auteur réussit ainsi à assurer pour toujours la conservation de reproductions dont les originaux risquent de se perdre avec le temps en raison des conditions défavorables où ils sont conservés, ou de disparaître sans retour, comme il arrive souvent, avec d'importants dossiers tout entiers de précieux documents de famille.

Grand-Duc Nicolas Mikhaïlowitch

St-Pétersbourg, le 14 Novembre 1904.

1

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, 1777—1825, любимый внукъ Екатерины II, ученикъ Лагарпа, вступилъ на престолъ Всероссійскій 12 Марта 1801 г., 24-хъ лѣтъ, при радостныхъ надеждахъ всего населенія послѣ пятилѣтняго гнета царствованія Павла. Первые четыре года прошли въ живой работѣ переустройства всѣхъ высшихъ учрежденій, при дѣятельномъ участіи такихъ людей, какъ Кочубей, Строгановъ, Чарторыжскій, Новосильцовъ, Мордвиновъ, Сперанскій и другіе. Казалось, настала новая эра великихъ реформъ и мирнаго развитія обширнаго государства. Но надежды эти не вполнѣ оправдались. Война съ Наполеономъ поглотила все вниманіе Александра; борьба съ нимъ и дѣла внѣшней политики стали на первую очередь. Такъ прошло время съ 1805 по 1815 г. Наконецъ, третій періодъ или послѣднее десятилѣтіе было полно колебаній, разочарованій и стремленія вернуться къ реакціи подъ вліяніемъ Аракчеева на почвѣ неопредѣлеснаго мистицизма. Неожиданная смерть въ Таганрогѣ, 19 Ноября 1825 г., закончила четверть-вѣковое царствованіе, столь обильное событіями, результаты которыхъ стали ощущаться только впослѣдствіи.

Личность Александра I еще далеко не уяснена, и черты его сложнаго характера составляютъ задачу изученія историковъ. Имѣя всѣ качества, чтобы привлечь людей и массы, Александръ I обворожалъ быстро, но и разочарованія слѣдовали столь же скоро; какое-то недовѣріе ко всѣмъ проявлялось на каждомъ шагу; дружбой съ однимъ лицомъ онъ пользовался для повѣрки другихъ, казалось, столь же къ нему приближенныхъ. Стоитъ только сопоставить такихъ личностей, какъ Аракчеевъ и Сперанскій, Чарторыжскій и П. П. Долгорукій, князь А. Н. Голицынъ и Армфельдтъ, князь П. М. Волконскій и Паулуччи, чтобы удивляться, какъ могли такіе противоположные элементы работать на общую пользу. Словомъ, при лучшихъ стремленіяхъ своего сердца Александръ всю жизнь былъ въ открытой борьбѣ съ своимъ умомъ, проявляя, при большомъ самолюбіи, полнѣйшее недовѣріе къ самому же себѣ. Его натура, богато одаренная, не могла, однако, примирить такихъ разнородныхъ до противоположности явленій, какъ, съ одной стороны, традиціи вѣка Екатерины II на Руси и, съ другой—идеи, порожденныя великой революціей и засѣвшія ему въ голову, благодаря урокамъ Лагарпа. Въ результатѣ явился тотъ характеръ, который, хотя и ярко блестѣлъ, но подъ завѣсой какой-то непроницаемой мглы.

(Съ портрета работы Монье 1806 г., изъ Строгановскихъ коллекцій.)

1

L'Empereur ALEXANDRE Ier, 1777—1825, petit-fils favori de Catherine II, élève de Laharpe, monta, à l'âge de 24 ans, le 12/24 mars 1801, au trône de ses ancêtres, accueilli par les jubilations du peuple russe après les cinq ans de tyrannie du règne de Paul. Les quatre premières années du nouveau régime furent employées à un travail actif, ayant pour but la transformation complète de tous les organes supérieurs de l'administration, avec le concours d'hommes tels que Kotchoubey, Stroganoff, Czartorysky, Novossiltzoff, Mordvinoff, Spéransky, etc. C'était, semblait-il, le début d'une ère nouvelle de grandes réformes et de développement pacifique pour l'immense empire. Mais ces espérances ne devaient se réaliser que d'une façon incomplète. La lutte avec Napoléon avait accaparé toute l'attention d'Alexandre, et l'intérêt était concentré sur les affaires extérieures. Ainsi se passèrent dix ans, de 1805 à 1815. Enfin la troisième période, les dix dernières années, reflétaient l'indécision, le désenchantement et un retour à la réaction sous l'influence d'Araktchéeff et sur le terrain d'un vague mysticisme. La mort inattendue d'Alexandre à Taganrog, le 19 novembre 1825, mit fin à ce règne de 25 ans, si fertile en événements considérables dont les résultats ne se firent sentir que dans la suite.

La personnalité d'Alexandre Ier est loin d'être éclaircie, et l'étude de cette nature complexe est encore un problème pour l'histoire. Ayant toutes les qualités nécessaires pour subjuguer et les hommes et les masses, Alexandre parvenait vite à charmer les personnes qui l'approchaient, mais la désillusion ne se faisait pas attendre; une sorte de méfiance générale se manifestait à chaque instant, et l'amitié des uns lui servait à en contrôler d'autres, avec lesquels il n'était pas moins lié. Il suffit de juxtaposer des noms comme Araktchéeff et Spéransky, Czartorysky et le prince Dolgorouky, le prince Alexandre Galitzine et Armfeldt, le prince Wolkonsky et Paulucci, pour se demander avec étonnement comment des éléments aussi contraires pouvaient travailler ensemble pour l'utilité du pays. En un mot, l'Empereur, qui possédait un excellent cœur, fut toute sa vie en lutte ouverte avec les fluctuations de son esprit, et son grand amour-propre ne pouvait l'empêcher de se défier de sa propre personne. Cette nature richement douée ne put cependant concilier des éléments aussi divers, pour ne pas dire aussi contradictoires, que les traditions du siècle de Catherine II, d'une part, et, d'autre part, les idées de la Révolution, que lui avait inculquées Laharpe: il en résulta ce caractère qui brilla bien avec éclat, mais sous le voile d'une brume impénétrable.

(D'après l'original de Monnier (1806), collections de la famille Stroganoff.)

1

Пис: Монье, 1806 — Peint par Monnier, 1806

Императоръ Александръ I — L'Empereur Alexandre I

2

Императрица ЕЛИЗАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА, 1779—1826, третья дочь наслѣднаго принца Карла-Людвига Баденскаго, вступила въ 1793 г. въ бракъ съ Великимъ Княземъ Александромъ Павловичемъ и имѣла отъ него двухъ дочерей, умершихъ въ младенчествѣ. Весьма добрая и привѣтливая, она пользовалась любовью и всеобщей симпатіей, но активной роли во все царствованіе Александра I не играла и была заслоняема неутомимой дѣятельностью вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая не любила своей невѣстки и не допускала ея даже до дѣлъ благотворительныхъ учрежденій.

Сопутствуя Императору Александру въ послѣднемъ его путешествіи въ Крымъ, уже совсѣмъ больная, Императрица Елизавета Алексѣевна неотлучно находилась въ Таганрогѣ при умирающемъ супругѣ. Возвращаясь на Сѣверъ, она скончалась въ Бѣлевѣ, 4 Мая 1826 года, переживъ всего на нѣсколько мѣсяцевъ своего Августѣйшаго супруга.

(Съ портрета работы Монье 1806 г., изъ Строгановскихъ коллекцій.)

2

L'Impératrice ÉLISABETH ALEXÉEWNA, 1779—1826, troisième fille du prince héréditaire Charles-Louis de Bade, épousa en 1795 le Grand-Duc Alexandre, dont elle eut deux filles qui moururent en bas âge. Très douce de caractère et avenante, l'Impératrice Élisabeth jouissait de la sympathie générale, mais elle ne put, de tout le règne d'Alexandre, jouer aucun rôle actif, tenue à distance par l'infatigable activité de l'Impératrice douairière Marie Féodorowna, qui ne l'aimait pas et l'écartait même des affaires de bienfaisance.

Déjà tout à fait malade, l'Impératrice Élisabeth accompagna son mari dans son dernier voyage en Crimée et assista à ses derniers moments à Taganrog. Mais elle mourut quelques mois après, en revenant à Pétersbourg, le 4/16 mai 1826, à Bélew.

(D'après l'original de Monnier (1806), collections de la famille Stroganoff.)

2

Пис. Монье. 1806 | Peint par Monnier, 1806

Императрица Елисавета Алексѣевна, 1779-1825 | L'Impératrice Elisabeth Alexéewna, 1779-1825

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers [illegible]

3

Графиня МАРІЯ АНДРЕЕВНА РУМЯНЦЕВА, 1699—1788, дочь графа Андрея Артамоновича Матвѣева, одного изъ самыхъ передовыхъ людей Петровскаго времени, получила въ домѣ отца вполнѣ европейское образованіе, чему благопріятствовала особенно жизнь графа Матвѣева, какъ посланника, въ Парижѣ и Лондонѣ. Красивая, живая и граціозная, Матвѣева обратила на себя вниманіе самого Петра и, по ея собственному признанію, не была „rebelle à ses vœux". Она занимала первое мѣсто среди любовницъ Великаго Императора, онъ любилъ М. А. до конца жизни и даже ревновалъ ее, что случалось съ нимъ не часто. Желая, чтобы кто-нибудь держалъ юную графиню „въ ежовыхъ рукавицахъ", Государь выдалъ 19-лѣтнюю Матвѣеву за любимаго своего денщика Александра Ивановича Румянцева, смотрѣвшаго на свою женитьбу, какъ на средство, обезпечивавшее ему карьеру. Петръ далъ за невѣстой богатое приданое, женихъ получилъ чинъ бригадира, но мужъ рѣдко видѣлъ жену, находясь почти постоянно въ далекихъ командировкахъ. Въ 1724 г. Румянцевъ былъ посланъ въ Константинополь, оттуда въ Персію. Въ Январѣ 1725 г. умеръ Петръ, а вскорѣ М. А. родила сына Петра, будущаго фельдмаршала Румянцева-Задунайскаго. Послѣ кратковременной опалы въ началѣ царствованія Императрицы Анны, Румянцевъ въ 1735 г., былъ назначенъ сначала Казанскимъ губернаторомъ, а затѣмъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи. По особенно благосклонна къ Румянцевымъ была Елизавета: любимаго денщика отца она возвела въ 1744 г. въ графское достоинство, а его жену пожаловала въ статсъ-дамы. Довѣряя Румянцевой, Императрица поручила ей завѣдываніе дворомъ Цербстской Принцессы Софіи, юной невѣсты Великаго Князя, и она такъ усердно исполняла свои обязанности, что при дворѣ Принцессы ее боялись, „какъ чумы", а сама Екатерина навсегда получила нерасположеніе къ Румянцевой, черезъ которую „выходило много сплетенъ". Тѣмъ не менѣе и Екатерина II показывала наружное благоволеніе къ М. А. и сдѣлала ее гофмейстериной, цѣня особенно выдающіяся заслуги ея знаменитаго сына. Послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира ей пожалованъ былъ орденъ св. Екатерины. Графиня Румянцева почти на 40 лѣтъ пережила своего мужа († 1749) и умерла въ глубокой старости 4 Мая 1788 года.

Типичная представительница Петровской эпохи, графиня Румянцева, усвоивъ себѣ лоскъ европейскаго образованія, оставалась въ душѣ простой русской женщиной, особенно склонной къ мелкимъ хозяйственнымъ интересамъ, со страстью къ пересудамъ и сплетнямъ. Поражая иностранцевъ своими свѣтскими талантами (гр. Сегюръ находилъ ея бесѣду „плѣнительной и поучительной, какъ хорошо написанную исторію"), Румянцева въ то же время имѣла и всѣ слабости, свойственныя большинству ея современниковъ: она любила хорошо пожить, была расточительна и въ глубокой старости съ беззастѣнчивой откровенностью разсказывала интимныя подробности грѣховъ своей юности.

(Съ портрета, писаннаго Митуаромъ и находящагося въ Румянцевскомъ музеѣ, въ Москвѣ.)

3

La comtesse MARIE ANDREEWNA ROUMIANTZEFF, 1699—1788, fille du comte André Artamonowitch Matvéeff, un des hommes les plus avancés du temps de Pierre-le-Grand, reçut chez son père une éducation absolument occidentale, grâce surtout à la position du comte, ambassadeur à Paris et à Londres. Belle, vive et gracieuse, elle attira l'attention de Pierre lui-même, et, elle en convint elle-même, ne se montra point „rebelle à ses vœux". Elle occupait le premier rang parmi les maîtresses du Grand Empereur; lui, l'aima jusqu'à la fin de sa vie et lui témoigna même de la jalousie, ce qui ne lui arrivait pas souvent. Pour faire tenir la jeune comtesse par quelqu'un qui la „serrât de près", Pierre la maria, à l'âge de 19 ans, à son aide de camp préféré, Alexandre Ivanowitch Roumiantzeff, qui regarda ce mariage comme un moyen de se faire une carrière. Pierre donna à la fiancée une riche dot; le fiancé reçut le grade de brigadier, mais, comme mari, il vit rarement sa femme, se trouvant presque toujours en mission au loin. En 1724, Roumiantzeff fut envoyé à Constantinople, puis en Perse. En janvier 1725, Pierre mourut, et, peu après, la comtesse Roumiantzeff mit au monde un fils, le futur feld-maréchal Roumiantzeff-Zadounaïsky. Après une courte disgrâce au début du règne de l'Impératrice Anne, Roumiantzeff fut nommé, en 1735, d'abord gouverneur de Kazan, puis général-gouverneur de la Petite-Russie. Mais ce fut Elisabeth qui témoigna aux Roumiantzeff une bienveillance particulière: l'aide de camp préféré de son père fut élevé par elle, en 1744, à la dignité de comte, et sa femme nommée dame d'honneur. Pleine de confiance en Marie Roumiantzeff, l'Impératrice lui remit la direction de la cour de la jeune princesse Sophie de Zerbst, fiancée du Grand-Duc, et elle s'acquitta si bien de ses nouveaux devoirs, qu'à la Cour on la craignait „comme la peste" et que Catherine elle-même se sentit prévenue contre cette „source de mille intrigues". Néanmoins Catherine II ne fut pas non plus sans lui témoigner une bienveillance toute formelle, et la fit grande maîtresse de la Cour, en récompense des services particulièrement éminents de son célèbre fils. Après la paix de Koutchouk-Kainardji, elle reçut l'ordre de Ste-Catherine. La comtesse Roumiantzeff survécut de près de 40 ans à son mari († 1749) et mourut dans une vieillesse avancée, le 4 mai 1788.

Représentante bien typique de l'époque de Pierre-le-Grand, la comtesse Roumiantzeff, frottée d'un vernis d'éducation occidentale, restait au fond de l'âme une simple femme russe, avec un goût particulier pour ses menus intérêts de maîtresse de maison et la passion des caquets et des intrigues. Frappant les étrangers par ses talents mondains (le comte de Ségur trouve sa conversation „attachante et instructive comme une histoire bien faite"), elle présentait en même temps toutes les faiblesses communes à la majorité de ses concitoyens: elle aimait vivre largement, avec prodigalité, et, dans sa vieillesse avancée, racontait à ses intimes, avec une véracité exempte de scrupules, le détail de ses péchés de jeunesse.

(D'après l'original de Mitoire du Musée Roumiantzeff à Moscou.)

Пис. Митуаръ | Peint par Mitoire

Графиня Марія Андреевна Румянцева, 1699-1788 | La Comtesse Marie Andréewna Roumiantzeff, 1699-1788

Князь ГРИГОРІЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ОРЛОВЪ, 1734—1783, сынъ Новгородскаго вице-губернатора Григорія Ивановича и Лукеріи Ивановны, рожд. Зиновьевой, второй изъ 5 братьевъ, родился 6 Октября 1734 г. и, ничему не учившись въ молодости, 15-и лѣтъ поступилъ солдатомъ въ Семеновскій полкъ. Поручикомъ участвовалъ въ Семилѣтней войнѣ и получилъ 3 раны при Цорндорфѣ. Въ 1759 г. переведенъ въ артиллерію адъютантомъ къ гр. П. И. Шувалову. Громаднаго роста и необыкновенной силы, Орловъ отличался красивой наружностью, веселымъ характеромъ и склонностью къ смѣлымъ и рискованнымъ похожденіямъ. Его кутежи и любовные успѣхи сдѣлали его извѣстнымъ въ Петербургѣ; онъ былъ принятъ при „молодомъ дворѣ“ и скоро занялъ мѣсто фаворита при Вел. Кн. Екатеринѣ Алексѣевнѣ. Смѣлый и рѣшительный, Орловъ, вмѣстѣ съ братьями, нуженъ былъ Екатеринѣ для осуществленія ея намѣреній, и она вполнѣ ему довѣрилась, зная его безграничную себѣ преданность. Орловъ былъ недостаточно уменъ и остороженъ, но онъ незамѣнимъ былъ въ дѣлѣ организаціи заговора въ гвардіи: солдаты знали и любили Орловыхъ за ихъ простоту, удаль и щедрость. По восшествіи на престолъ Екатерины II, Орловъ былъ пожалованъ въ действительные камергеры, получилъ Александровскую ленту, крестьянъ, деньги, мызы Ропшу и Гатчину, а въ день коронаціи пожалованъ въ генералъ-адъютанты и возведенъ со всѣмъ родомъ въ графское достоинство. Съ 1763 по 1769 г. Орловъ былъ президентомъ Канцеляріи опекунства иностранныхъ и въ то же время, съ 1765 г. генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Въ 1767 г. сопровождалъ Императрицу въ путешествіи по Волгѣ и засѣдалъ въ Коммиссіи для сочиненія проекта уложенія, въ качествѣ депутата отъ Копорскаго уѣзда. Въ 1771 г., во время чумы, Орловъ былъ посланъ въ Москву и здѣсь благоразумными и спокойными мѣрами и личнымъ примѣромъ безстрашія установилъ нарушенный порядокъ. Въ Январѣ слѣдующаго года отправленъ на Фокшанскій конгрессъ для мирныхъ переговоровъ съ Турціей, и навсегда оставилъ прежнее положеніе, которымъ послѣдніе годы онъ явно тяготился. Въ это время у него возникъ романъ съ двоюродной сестрой, Екатериной Николаевной Зиновьевой, на которой онъ и женился въ 1777 году. Бо́льшую часть времени теперь онъ проводилъ за границей. При отставкѣ Орловъ былъ щедро награжденъ Императрицей и получилъ титулъ князя; Екатерина навсегда сохранила къ нему теплыя дружескія чувства. Смерть отъ чахотки (въ 1781 г.) нѣжно любимой жены сильно потрясла Орлова: у него появились признаки умственнаго разстройства. Онъ былъ привезенъ въ Москву и здѣсь, въ Нескучномъ, умеръ 13 Апрѣля 1783 года. Погребенъ въ селѣ Отрадѣ, Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

Орловъ не обладалъ глубокимъ умомъ, но въ значительной мѣрѣ надѣленъ былъ здравымъ смысломъ. Способный, но лѣнивый, интересовался только тѣмъ, что могъ схватить налету и легко усвоить. Съ мягкимъ и отзывчивымъ сердцемъ, онъ былъ довѣрчивъ до неосторожности и щедръ до расточительности. Будучи неучемъ, любилъ потолковать о физикѣ и астрономіи, покровительствовалъ Ломоносову, Кулибину, Фонвизину и былъ основателемъ старѣйшаго русскаго ученаго общества (Вольно-Экономическаго), въ которомъ касался вопроса о крѣпостномъ правѣ въ духѣ идей „Наказа“. Угождая вкусамъ Екатерины, онъ вступалъ въ переписку съ Ж. Ж. Руссо, знакомился и философствовалъ съ Дидро, Циммерманомъ и Гриммомъ, но личные вкусы Орлова проявлялись въ страстной любви къ кулачнымъ боямъ и охотѣ на медвѣдя съ рогатиной, къ верховой ѣздѣ и прочимъ видамъ спорта, кончая пѣтушиными и гусиными боями.

(Съ портрета, писаннаго Рокотовымъ; собственность графа А. В. Орлова-Давыдова, С.-Петербургъ.)

Le prince GREGOIRE GRIGORIEWITCH ORLOFF, 1734—1783, fils du vice-gouverneur de Novgorod Grégoire Ivanowitch et de Glycère Ivanowna, née Zinovieff, naquit, le second de cinq frères, le 6 octobre 1734, et, après avoir passé son enfance sans rien apprendre, s'enrôla à 15 ans comme soldat au régiment Sémenoff. Il fit la guerre de Sept Ans comme lieutenant et reçut trois blessures à Zorndorf. En 1759, il passa dans l'artillerie en qualité d'adjudant du comte P. I. Chouvaloff. D'une taille colossale et d'une force peu commune, Orloff se distinguait par sa belle prestance, son caractère gai et son goût pour les aventures hardies et risquées. Ses fredaines et ses succès amoureux le rendirent fameux à Pétersbourg; il fut admis à la „Jeune Cour" et s'éleva bientôt au rang de favori de la Grande-Duchesse Catherine Alexéiewna. Hardi et décidé, Orloff était, en même temps que ses frères, nécessaire à Catherine pour l'exécution de ses desseins, et, connaissant son dévouement sans bornes pour elle, elle se confia entièrement à lui. Il n'avait guère d'habileté ni de prudence, mais il était bien l'homme qu'il fallait pour organiser le complot des Gardes; les soldats connaissaient et aimaient les Orloff pour leur simplicité, leur témérité et leur libéralité. A l'avènement de Catherine II, il fut nommé chambellan actuel, reçut le cordon de Saint-Alexandre, des paysans, de l'argent, les métairies de Ropcha et de Gatchina, et, le jour du couronnement, fut promu général-adjudant et élevé avec toute sa famille à la dignité de comte. De 1765 à 1769, Orloff fut président de la Chancellerie pour la tutelle des étrangers, et en même temps, à partir de 1765, général en chef d'artillerie. En 1767, il accompagna l'Impératrice dans son voyage sur le Volga et fit partie, en qualité de député du district de Koporsk, de la Commission pour la rédaction d'un projet de Code. En 1771, lors de la peste, Orloff fut envoyé à Moscou, et, par ses mesures sages et calmes autant que par l'exemple de son courage personnel, rétablit l'ordre troublé. Au mois de janvier de l'année suivante, il alla au Congrès de Fokchany pour les négociations de paix avec la Turquie. Ensuite il renonça définitivement à sa position, qui lui pesait manifestement depuis quelques années. C'est à cette époque qu'il se prit de passion pour sa cousine Catherine Nicolaewna Zinovieff, qu'il épousa en 1777. Il résida dès lors presque constamment à l'étranger. A sa retraite, Orloff fut libéralement récompensé par l'Impératrice et reçut le titre de prince; Catherine conserva toujours pour lui des sentiments d'amitié très vifs. La mort de sa femme tendrement aimée, enlevée par la phtisie en 1781, le bouleversa profondément, et il commença à donner des signes de dérangement cérébral. On le transporta à Moscou, où il mourut, à Neskoutchny, le 13 avril 1783; il fut inhumé au bourg d'Otrada, district de Podolsk, gouvernement de Moscou.

Orloff n'était pas un esprit profond, mais il avait une dose sérieuse de bon sens. Bien doué, mais paresseux, il ne s'intéressait qu'à ce qu'il pouvait attraper au vol et retenir facilement. D'un cœur tendre et sensible, il poussait la confiance jusqu'à l'imprudence et la libéralité jusqu'à la prodigalité. Sans instruction, il aimait à causer physique et astronomie, protégea Lomonossoff, Koulibine et von-Vizine, et fut fondateur de la plus ancienne société savante russe, la Société Economique Libre, où il traita la question du droit des serfs dans l'esprit du „Nakaze". Pour complaire aux goûts de Catherine, il entra en correspondance avec J.-J. Rousseau, fit connaissance et philosopha avec Diderot, Zimmermann et Grimm, mais les goûts personnels d'Orloff se manifestaient plutôt dans sa passion pour la boxe, la chasse à l'ours à l'épieu, l'équitation et autres genres de sport, y compris les combats de coqs et d'oies.

(D'après l'original de Rokotoff, propriété du comte A. V. Orloff-Davydoff, à St-Pétersbourg.)

4

Пис. Рокотовъ | Peint par Rokotoff

Князь Григорій Григорьевичъ Орловъ, 1734-1783 | Le P^ce Grégoire Grigoriewitch Orloff, 1734-1783

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

5

Княгиня ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ОРЛОВА, 1758—1781, рожденная Зиновьева, двоюродная сестра князя Гр. Гр. Орлова, родилась 14 Декабря 1758 года. Будучи фрейлиной при дворѣ Екатерины II, она 13-и лѣтъ обратила на себя вниманіе 37-лѣтняго всесильнаго въ то время фаворита. Императрица смотрѣла снисходительно на мимолетныя привязанности своего любимца и не придала значенія этой связи, которая потомъ изъ минутной прихоти выросла въ серіозное чувство. Императрица чувствовала себя оскорбленной; Орловъ же, тяготясь своимъ положеніемъ, оставилъ дворъ; въ 1777 г. Зиновьева вышла замужъ за Орлова, чѣмъ были недовольны братья послѣдняго. „Случай“ и значеніе Орлова окончились, и поднятъ былъ вопросъ о признаніи брака его въ недозволенной степени родства незаконнымъ. Екатерина II, однако, не утвердила рѣшенія о разводѣ, а гетманъ Разумовскій сказалъ: „Еще недавно мы всѣ сочли бы за особое счастье приглашеніе на его свадьбу“. Княгиня была пожалована въ статсъ-дамы, получила орденъ Св. Екатерины и подарки отъ Императрицы, чѣмъ вполнѣ утверждалось ея положеніе. „Она была прекрасна и чувствительна; правда, красота ея изображала прекрасную ея душу“, писалъ объ Орловой неизвѣстный современникъ. „Какъ ангелъ красоты, являемый съ небесъ, пріятностьми лица и разума блистала“, воспѣвалъ ее Державинъ. Въ 1780 г. Орловы поѣхали за границу: у княгини обнаружились признаки чахотки; кромѣ того, она мечтала у медицины найти средство имѣть дѣтей.... Съ этой цѣлью Орловы объѣхали всю Европу и попадали въ руки медицинскихъ знаменитостей и шарлатановъ. Гриммъ, сообщая Императрицѣ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ этой „охоты за шарлатанами“, подшучивалъ надъ желаніями княгини, которыя „обыкновенно исполняются тогда, когда объ этомъ не думаютъ“, а Императрица Екатерина посылала Орловой пожеланія привезти въ Россію маленькаго Орлова, „visible ou invisible“. По 16 Іюня 1781 г. княгиня скончалась въ Лозаннѣ, гдѣ, въ соборѣ, сохранился ея надгробный памятникъ, хотя останки ея перевезены потомъ въ Александро-Невскую лавру.

Ея изящному внѣшнему образу соотвѣтствовала и поэтическая душа. Орловой приписывается сентиментальный романсъ, популярный среди прабабушекъ современнаго поколѣнія:

„Желанья наши совершились,
„Чего еще душа желаетъ?
„Чтобъ ты мнѣ вѣренъ былъ,
„Чтобы жену не разлюбилъ.
„Мнѣ всякій край съ тобою рай!“

(Съ портрета, писаннаго Левицкимъ; собственность князя С. И. Васильчикова, С.-Петербургъ.)

5

La princesse CATHERINE NICOLAEWNA ORLOFF, 1758—1781, née Zinovieff, cousine germaine du prince G. G. Orloff, naquit le 14 décembre 1758. Demoiselle d'honneur à la Cour de Catherine II, elle attira, à l'âge de 13 ans, l'attention du favori, alors tout-puissant, âgé de 37 ans. L'impératrice était indulgente pour les entraînements passagers de son favori, et n'attacha pas d'importance à cet attachement, qui, par la suite, d'un simple caprice devint un sentiment sérieux. L'impératrice en éprouva du ressentiment, et Orloff, qui sentait sa position lui peser, quitta la Cour; en 1777, Catherine Zinovieff l'épousa, ce qui excita le mécontentement des frères Orloff. Le rôle d'Orloff était fini, et la question fut soulevée de déclarer le mariage nul à cause du degré de parenté illégal des conjoints. Catherine II toutefois ne confirma pas le divorce, et l'hetman Razoumowsky dit: „Il n'y a pas longtemps encore, nous aurions tous regardé comme un bonheur particulier d'être invités à sa noce". La princesse fut nommée dame d'honneur, reçut l'ordre de Sainte-Catherine et des cadeaux de l'Impératrice, ce qui lui fit une position bien établie. „Elle était belle et sensible; vraiment sa beauté était l'image de sa belle âme", dit de la princesse un écrivain contemporain inconnu. „Tel un ange de beauté, descendu des Cieux, elle resplendissait des charmes du corps et de l'esprit": ainsi la chanta Derjavine. En 1780, les Orloff partirent pour l'étranger: la princesse avait manifesté des signes de phtisie, et en outre elle comptait sur le secours de la science pour lui faire avoir des enfants: ils firent pour cela tout le tour de l'Europe et tombèrent dans les mains de célébrités médicales et de charlatans. Grimm communique à l'Impératrice toute une série d'épisodes de cette „chasse aux charlatans", en plaisantant sur les désirs de la princesse, „désirs qui s'accomplissent ordinairement quand on n'y pense pas", et Catherine souhaite à la jeune femme de rapporter en Russie un petit Orloff, „visible ou invisible". Mais, le 16 juin 1781, la princesse mourut à Lausanne, où son monument funéraire a été conservé à l'église, bien que ses restes eussent été ramenés depuis au monastère d'Alexandre Newsky.

Elle avait une âme de poète, en harmonie avec son extérieur ravissant. On lui attribue une romance sentimentale, populaire parmi les grand'mères de la génération actuelle:

Nos vœux sont accomplis,
Que veut encore notre âme?
Pourvu que tu me sois fidèle,
Pourvu que tu m'aimes toujours,
Pour moi tout pays
Est avec toi le paradis.

(D'après l'original de Lévitzky, propriété du prince S. I. Vassiltchikoff, à St-Pétersbourg.)

5

Пис. Левицкій

Княгиня Екатерина Николаевна Орлова, 1758-1781

Peint par Lévitsky

La Princesse Catherine Nikolaewna Orloff, 1758-1781

Эксповед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ **АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ СТРОГАНОВЪ**, 1733—1811, сынъ барона Сергѣя Григорьевича и Софіи Кирилловны, рожд. Нарышкиной, дѣйствительный тайный совѣтникъ и президентъ Академіи Художествъ, родился 3 Января 1733 г.; 19-и лѣтъ былъ отправленъ отцомъ для окончанія образованія за границу. Здѣсь онъ 2 года прожилъ въ Женевѣ, посѣщая лекціи извѣстныхъ профессоровъ, а затѣмъ путешествовалъ по Италіи, гдѣ подробно ознакомился съ ея художественными сокровищами и началъ собирать картины великихъ мастеровъ. Поселившись въ Парижѣ, Строгановъ въ продолженіе 2 лѣтъ изучалъ химію, физику и металлургію, посѣщалъ фабрики и заводы. Вызванный отцомъ, онъ вернулся въ Россію въ 1757 г., но не засталъ уже барона С. Г. въ живыхъ. Въ слѣдующемъ году женился на дочери вице-канцлера гр. Аннѣ Михайловнѣ Воронцовой (р. 1743 г.) и въ день свадьбы получилъ званіе дѣйствительнаго камеръ-юнкера. Въ 1760 г., присутствуя при бракосочетаніи Эрцгерцога Іосифа въ Вѣнѣ, Строгановъ получилъ графское Свящ. Римской Имперіи достоинство. Проживъ 6 лѣтъ, супруги Строгановы окончательно разошлись: оба чувствовали себя далеко не счастливыми. Началось дѣло о разводѣ, окончившееся за смертью гр. Анны Михайловны († 21 Февраля 1769 г.). Скоро Строгановъ женился вторично на княжнѣ Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой (р. 1744 г., † 20 Ноября 1815 г.), но и этотъ бракъ оказался позднѣе неудачнымъ. Въ 1779 г. Строгановы вернулись въ Петербургъ, проживши передъ тѣмъ много лѣтъ въ Парижѣ, и вскорѣ графиня увлеклась фаворитомъ Екатерины II, Ив. Ник. Корсаковымъ. Послѣ того, какъ онъ былъ удаленъ отъ двора, она послѣдовала за нимъ въ Москву, покинувъ единственнаго сына, Павла, на попеченіе мужа. Оставшись одинокимъ, Строгановъ заботливо занялся воспитаніемъ сына. Графъ былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ Екатеринѣ II лицъ, неоднократно сопровождалъ ее въ путешествіяхъ и былъ постояннымъ партнеромъ ея въ бостонъ. Разнообразіемъ и остроуміемъ разговора онъ развлекалъ Императрицу и нравился ей своей независимостью и тѣмъ, что не вмѣшивался въ политику. Къ нему питали расположеніе Павелъ I, Императрица Марія Ѳеодоровна, совѣтовавшаяся съ нимъ по дѣламъ благотворенія, и Александръ I, хотя графъ попрежнему оставался независимымъ въ своихъ взглядахъ. Въ 1810 г. онъ былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

Строгановъ былъ русскимъ меценатомъ въ полномъ смыслѣ этого слова; покровительствовалъ русскимъ талантамъ какъ въ искусствѣ, такъ и въ литературѣ: Державинъ, Бортнянскій, Богдановичъ, Крыловъ пользовались его покровительствомъ; имъ составлены лучшія коллекціи картинъ, гравюръ, монетъ и т. п. Почетный членъ Академіи Художествъ съ 1768 г., Строгановъ въ 1800 г. назначенъ ея президентомъ, а съ 1801 г. ему поручено завѣдываніе постройкой Казанскаго собора, который строился Ворониxинымъ, бывшимъ его крѣпостнымъ. Строгановъ составлялъ проектъ устройства Публичной библіотеки, директоромъ которой былъ потомъ назначенъ. Съ 1784 г. и до своей смерти графъ былъ безсмѣнно Петербургскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства; современники его любили за пышные пріемы и гостепріимство. Веселый и привѣтливый, онъ отличался юморомъ и умѣньемъ вести интересныя бесѣды; въ своихъ дѣйствіяхъ онъ былъ всегда благороденъ. Несмотря на свое колоссальное богатство, графъ всегда заботился о своихъ многочисленныхъ крестьянахъ. Графъ Строгановъ скончался 27 Сентября 1811 г. и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

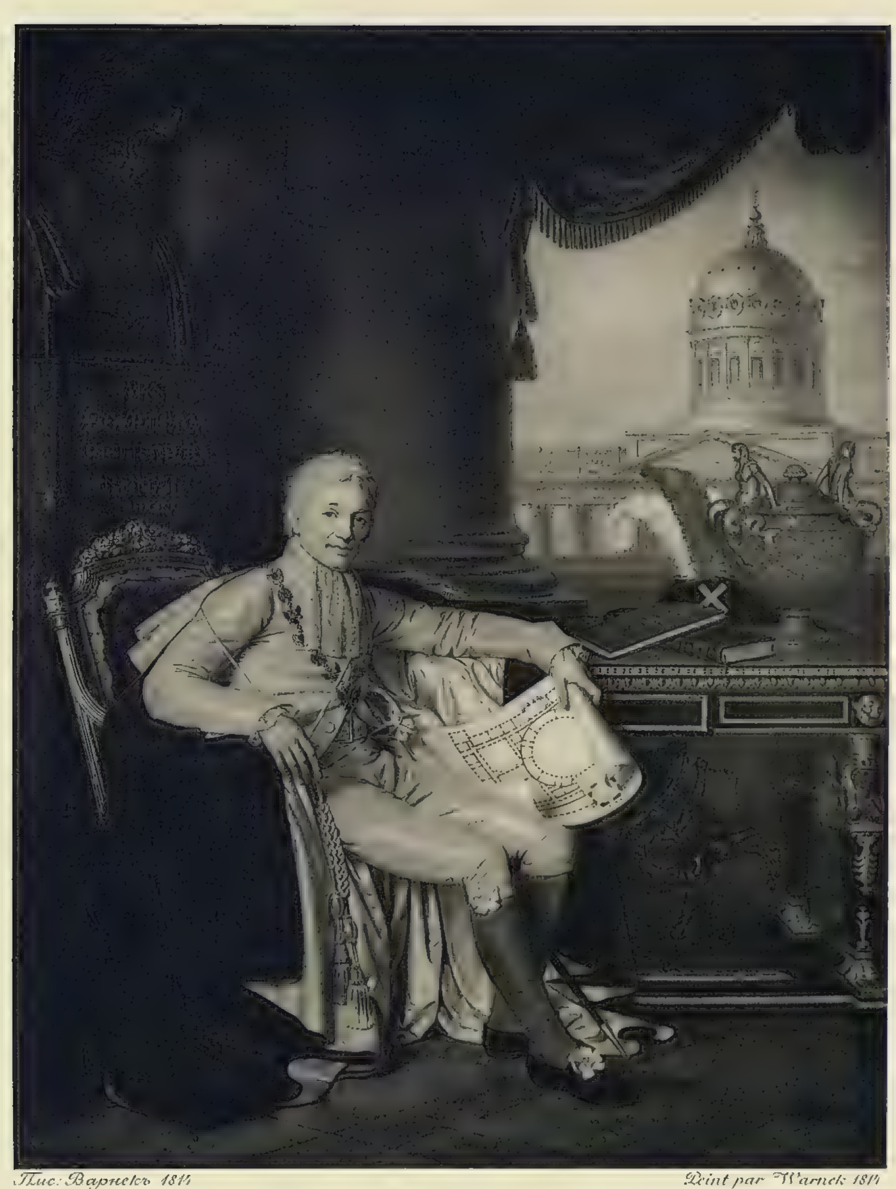
(Съ портрета работы Варнека 1814 г., изъ Строгановскаго собранія.)

Le comte ALEXANDRE SERGUEEWITCH STROGANOFF, 1733—1811, fils du baron Serge Grigoriewitch et de Sophie Kyrillowna, née Narychkine, conseiller d'état actuel et président de l'Académie des Beaux-Arts, naquit le 3 janvier 1733. A 19 ans, son père l'envoya finir son éducation à l'étranger; il passa d'abord deux ans à Genève où il suivit les cours des professeurs en renom, puis voyagea en Italie où il fit connaissance en détail avec les collections artistiques et commença à rassembler des tableaux de maîtres. Il se fixa ensuite à Paris et y étudia deux ans la chimie, la physique et la métallurgie et visita des manufactures et des usines. Rappelé par son père, il retourna en Russie, en 1757, mais le baron Serge Grigoriewitch n'était déjà plus. L'année suivante, il épousa la comtesse Anne Mikhaïlowna Vorontzoff (née en 1743), fille du vice-chancelier, et reçut le jour de son mariage la dignité de gentilhomme de la chambre. En 1760, au mariage du prince héritier Joseph à Vienne, il fut investi de celle de comte du Saint-Empire Romain. Après six ans d'union, les époux Stroganoff se séparèrent définitivement, ne pouvant nullement trouver le bonheur ensemble; ils engagèrent une action en divorce, qui ne se termina qu'après la mort de la comtesse († 21 février 1769). Stroganoff ne tarda pas à se remarier à la princesse Catherine Pétrowna Troubetzkoï (née en 1744, † 20 novembre 1815), mais dans la suite non plus ce second mariage ne fut pas heureux. En 1779, Stroganoff revint à Pétersbourg après plusieurs années passées à Paris, et la comtesse ne tarda pas à s'éprendre du favori de Catherine II, Ivan Nicolaewitch Korsakoff. Il dut quitter la Cour, et elle le suivit à Moscou, abandonnant son fils unique Paul aux soins de son mari. Resté seul, le comte se consacra avec zèle à l'éducation de ce fils. Il était un des personnages de l'entourage le plus intime de Catherine, l'accompagnant souvent dans ses déplacements et étant son partenaire habituel au boston. La variété et l'esprit de sa conversation amusaient l'Impératrice, qui aimait sa liberté d'allures et son peu de goût pour la politique. Il jouit également de la bienveillance de Paul Ier, de l'impératrice Marie Féodorowna qui le consulta dans des questions de bienfaisance, et d'Alexandre Ier, tout en continuant à ne pas se départir de sa liberté d'opinion. En 1810, il fut nommé membre du Conseil de l'Empire.

Stroganoff fut un Mécène dans toute l'acception du terme; il protégea les talents russes tant en littérature qu'en art: Derjavine, Bortniansky, Bogdanowitch, Kryloff furent ses protégés. Il réunit les plus riches collections de tableaux, de gravures, de monnaies, etc. Membre honoraire de l'Académie des Beaux-Arts depuis 1768, il en fut fait président en 1800, et, à partir de 1801, il fut chargé de diriger la construction de la cathédrale de Kazan, confiée à Voronikhine, qui lui avait appartenu comme serf. Stroganoff fit également le projet de la Bibliothèque Publique, dont il fut dans la suite nommé directeur. De 1784 jusqu'à sa mort, le comte fut sans interruption chef de la noblesse du gouvernement de Pétersbourg: les contemporains l'aimaient pour la splendeur de ses réceptions et son hospitalité. De caractère gai et accueillant, il avait une pointe d'esprit et savait donner de l'intérêt à une conversation; ses actes étaient toujours d'un galant homme. Malgré sa fortune colossale, le comte prit toujours soin de ses paysans, qui étaient fort nombreux. Il mourut le 27 septembre 1811, et fut inhumé au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Warnek (1814), collection Stroganoff.)

6

Пис: Варнекъ 1814 — Peint par Warnek 1814

Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, 1733-1811 | Le Cte Alexandre Serguéewitsch Stroganoff, 1733-1811

7

Князь СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1770—1829, генералъ-лейтенантъ, сынъ князя Николая Сергѣевича и Натальи Сергѣевны, рожденной Салтыковой. При Павлѣ I былъ Петербургскимъ комендантомъ и членомъ Военной коллегіи, а въ началѣ царствованія Александра I посланникомъ въ Гаагѣ при Людовикѣ Бонапартѣ и въ Неаполѣ при Мюратѣ. Князь С. Н. былъ тонкій наблюдатель, и донесенія его за этотъ періодъ его дѣятельности весьма интересны и мѣтки. Въ Неаполѣ у него едва не произошла дуэль съ французскимъ посланникомъ Дюраномъ изъ-за перваго мѣста на новогоднемъ пріемѣ. Въ 1812 г. онъ командовалъ пѣхотнымъ корпусомъ, а въ 1816 г. вышелъ въ отставку. Составилъ, по Высочайшему повелѣнію, „Хронику Россійской Императорской арміи", заключающую краткую исторію каждаго полка, съ указаніемъ формы, знаменъ и мѣста расквартированія въ 1799 году. Трудъ этотъ, несмотря на нѣкоторыя неточности, сохраняетъ еще и теперь свою цѣнность. Долгорукій былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „Каламбура Николаевича". Скончался въ Парижѣ 15 Іюня 1829 года.

(Съ портрета Боровиковскаго, принадлежащаго А. А. Львовой, Москва.)

7

Le prince **SERGE NICOLAEWITCH DOLGOROUKY**, 1770—1829, général-lieutenant, fils du prince Nicolas Serguéewitch et de Natalie Serguéewna, née Saltykoff. Sous Paul Ier, fut commandant de Pétersbourg et membre du Collège militaire, et, au commencement du règne d'Alexandre Ier, ambassadeur à La Haye près de Louis Bonaparte et à Naples près de Murat. Le prince Dolgorouky était un fin observateur, et les rapports qu'il fit à cette période de sa carrière sont pleins d'intérêt et de justesse. A Naples, il faillit avoir un duel avec l'ambassadeur de France Durand, au sujet du premier rang à la réception du Jour de l'an. En 1812, il commanda un corps d'infanterie, et prit sa retraite en 1816. Il avait composé, par ordre de S. M. l'Empereur, une „Chronique de l'Armée Impériale de Russie", contenant une courte histoire de chaque régiment, avec l'indication de l'uniforme, des drapeaux et du lieu de garnison en 1799. Cet ouvrage, malgré quelques inexactitudes, conserve encore aujourd'hui sa valeur. Dolgorouky était connu sous le sobriquet de „Calembour Nicolaewitch". Il mourut à Paris, le 15 juin 1829.

(D'après l'original de Borovikowsky appartenant à Mme A. A. Lvoff, à Moscou.)

7

Пис: Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Князь Сергѣй Николаевичъ Долгорукій, 1770–1829 | Le Prince Serge Nikolaewitsch Dolgorouky, 1770–1829

Графъ НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ РУМЯНЦЕВЪ, 1754—1826, второй сынъ графа П. А. Румянцева-Задунайскаго отъ брака его съ княжной Екатериной Михайловной Голицыной, 8-и лѣтъ записанъ въ службу сержантомъ артиллеріи, въ 1770 г. былъ прапорщикомъ, 1772 и 1773 гг. провелъ при дворѣ. Онъ получилъ дома скудное образованіе, не соотвѣтствовавшее ни его способностямъ, ни его широкой любознательности. Екатерина II отправила Румянцева за границу; въ Лейденѣ онъ слушалъ лекціи, а затѣмъ путешествовалъ по Италіи. Страстная любовь къ наукѣ и неутолимая жажда знаній, не покидавшія Румянцева до конца дней, были результатомъ широкаго образованія, полученнаго имъ въ Германіи. Пожалованный въ 1779 г. въ дѣйств. камергеры, онъ сдѣланъ былъ полномочнымъ министромъ при Германскомъ сеймѣ во Франкфуртѣ, затѣмъ сопровождалъ въ Кобленцъ изгнанныхъ Бурбоновъ и былъ въ Митавѣ при Людовикѣ XVIII. Павломъ I Румянцевъ былъ призванъ ко двору и пожалованъ въ гофмейстеры, въ 1797 г. сдѣланъ сенаторомъ и директоромъ Заемнаго банка, а въ 1798 г. получилъ орд. св. Андрея. Съ воцареніемъ Александра назначенъ главнымъ директоромъ водяныхъ коммуникацій и дорогъ, въ 1802 г. министромъ коммерціи, въ 1807 г. министромъ иностранныхъ дѣлъ; черезъ 2 года пожалованъ въ канцлеры и 1 Января 1810 г. назначенъ предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта; 14 Августа 1814 г. онъ совсѣмъ оставилъ службу.

Не отличаясь выдающимися способностями дипломата, гр. Румянцевъ держался въ политикѣ вполнѣ опредѣленной программы. Онъ старался казаться, и его считали, сторонникомъ союза съ Франціей, съ цѣлью возможно выгоднаго для Россіи рѣшенія восточнаго и польскаго вопросовъ. Меттернихъ и Англія считали его своимъ врагомъ и клевретомъ Наполеона. Разсыпая самыя заманчивыя обѣщанія и проявляя предъ Коленкуромъ свои „франко-русскія симпатіи", Румянцевъ ловко пользовался тѣми ожесточенными нападками, которыми награждало его русское общество за сближеніе съ Наполеономъ, и выставлялъ на видъ, что онъ чистосердечно расположенъ къ Франціи.

Но если въ политикѣ гр. Румянцевъ былъ только точнымъ исполнителемъ воли Государя, виртуозной рукою намѣчавшаго всѣ детали, то въ своихъ проявленіяхъ любви къ наукѣ и просвѣщенію онъ былъ вполнѣ самостоятеленъ. Кругъ его интересовъ былъ очень широкъ, и имя „Мецената" русской науки сохранится за нимъ навсегда. Какъ министръ коммерціи и какъ частный человѣкъ, Румянцевъ поощрялъ географическія и этнографическія изслѣдованія Сибири и русской Америки, снаряжалъ экспедиціи. Цѣлью своей жизни онъ ставилъ „приготовить для будущаго точнаго сочиненія россійской исторіи всѣ нужные элементы". Онъ не щадилъ средствъ на созданіе „національныхъ" библіотеки и музея памятниковъ русской исторіи, языка, словесности и быта. За границей имѣлъ корреспондентовъ и посылалъ туда русскихъ ученыхъ для изученія матеріаловъ, относящихся къ русской исторіи, такъ какъ его „къ древностямъ отечественнымъ алчность" не знала предѣловъ. Гр. Румянцевъ завѣщалъ 66 т. руб. на изданіе громаднаго „Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ", задумывалъ изданія русскихъ лѣтописей, византійскихъ и восточныхъ историковъ, Славянскаго словаря, описаній древнихъ путешествій по Россіи, и издалъ на свои средства болѣе 20 чужихъ сочиненій. Онъ объединялъ вокругъ себя ученыхъ и писателей своего времени, и митрополитъ Евгеній, Строевъ, Калайдовичъ, Востоковъ, Френъ, Карамзинъ, А. И. Тургеневъ и др. были его сотрудниками и близкими людьми.

Гр. Н. П. Румянцевъ скончался въ С.-Петербургѣ 3 Января 1826 г. и похороненъ въ своемъ имѣніи Гомелѣ, Могилевской губерніи. Онъ женатъ не былъ и, со смертью младшаго его брата Сергѣя († 1838 г.), родъ графовъ Румянцевыхъ прекратился. Все что было собрано гр. Румянцевымъ, послѣ его смерти, пожертвовано его братомъ „на благое просвѣщеніе" и легло въ основу Московскихъ Румянцевскаго и Публичнаго музеевъ.

(Съ портрета работы Дау 1828 г.; Румянцевскій музей, въ Москвѣ.)

Le comte NICOLAS PETROWITCH ROUMIANTZEFF, 1754—1826, second fils du comte P. Roumiantzeff-Zadounaïsky et de la comtesse Catherine Mikhaïlowna, née princesse Golitzyne. A l'âge de 8 ans, il fut enrôlé sergent d'artillerie, en 1770, fait porte-enseigne, et, en 1772 et 1773, resta à la Cour. Il reçut à la maison paternelle une éducation sommaire, peu en rapport avec ses facultés et son goût très développé pour l'étude. Catherine le fit aller à l'étranger: il suivit des cours à Leyde, puis voyagea en Italie. L'amour passionné pour la science et la soif insatiable de connaissances qu'il eut jusqu'à la fin de ses jours lui venaient de l'instruction qu'il avait reçue en Allemagne. Chambellan actuel en 1779, il fut fait ministre plénipotentiaire à la diète germanique de Francfort, puis accompagna à Coblentz les Bourbons exilés et suivit Louis XVIII à Mittau. Paul Ier le fit venir à la Cour et le nomma maître de la Cour; en 1797, il devint sénateur et directeur de la banque de prêts, et, en 1798, reçut l'ordre de St-André. A l'avènement d'Alexandre, il fut nommé directeur chef des communications fluviales et des voies de terre, en 1802, ministre du commerce, en 1807, ministre des affaires étrangères; deux ans plus tard, il devint chancelier, et, le 1er janvier 1810, fut nommé président du Conseil de l'Empire. Le 14 août 1814, il quitta définitivement le service.

Sans être doué de capacités éminentes comme diplomate, le comte Roumiantzeff eut en politique un programme bien arrêté: il se donnait comme partisan, et on le regarda comme tel, d'une alliance avec la France en vue d'une solution aussi avantageuse que possible pour la Russie des questions d'Orient et de Pologne. Metternich et l'Angleterre le considéraient comme leur ennemi et comme le suppôt de Napoléon. Se répandant en promesses des plus flatteuses et faisant parade devant Caulaincourt de ses „sympathies franco-russes", Roumiantzeff tira habilement parti des attaques acharnées que lui valut de la part de la société russe son rapprochement avec Napoléon et fit bien ressortir la sincérité de ses sentiments à l'égard de la France.

Mais si, en politique, Roumiantzeff ne fit qu'exécuter ponctuellement la volonté du Souverain, dont la main traçait tous les détails avec virtuosité, dans les manifestations de ses goûts scientifiques et de son besoin de lumières, son activité fut bien personnelle. Le cercle de ses intérêts était très étendu, et il s'assura à jamais le titre de Mécène de la science russe. Tant comme ministre du commerce qu'en son nom personnel, il encouragea l'étude géographique et ethnographique de la Sibérie et de l'Amérique russe et équipa des expéditions d'exploration. Il se proposait comme but de sa vie „de réunir tous les éléments nécessaires à la préparation pour l'avenir d'un exposé précis de l'histoire russe". Il ne ménagea pas la dépense pour la fondation d'une bibliothèque et d'un musée „nationaux" destinés à conserver des monuments de l'histoire, de la langue, de la littérature et de la civilisation russes. Il avait à l'étranger des correspondants et y envoyait des savants russes pour étudier les matériaux relatifs à l'histoire russe, car „son avidité d'antiquités russes" ne connaissait pas de bornes. Il laissa 66.000 roubles pour éditer un immense „Recueil de chartes et conventions d'Etat", projeta la publication des Chroniques russes, des œuvres des historiens byzantins et orientaux, d'un dictionnaire slave, d'anciennes relations de voyage en Russie, et fit paraître à ses frais les travaux de plus de vingt savants. Il avait près de lui un cercle de savants et d'écrivains: le métropolite Eugène, Stroeff, Kalaïdowitch, Vostokoff, Fren, Karamzine, A. Tourguéneff, et bien d'autres, furent ses collaborateurs immédiats et constituaient son entourage le plus proche.

Le comte Roumiantzeff mourut à St-Pétersbourg le 3 janvier 1826 et fut inhumé dans sa propriété de Gomel, gouvernement de Mohileff. Il n'était pas marié, et, à la mort de son frère cadet Serge († 1838), la famille des comtes Roumiantzeff s'éteignit. Après sa mort, toutes ses collections furent remises par son frère à l'Etat „pour la bonne œuvre de l'instruction", et formèrent la base du Musée Roumiantzeff et du Musée Public, à Moscou.

(D'après l'original de Dawe (1828), Musée Roumiantzeff, à Moscou.)

Пис: Г. Day, 1828 — Peint par G. Dawe, 1828

Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ, 1754-1826 | Le Comte Nicolas Petrowitch Roumiantzeff, 1754-1826

9

ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА АРХАРОВА, 1755—1836, кавалерственная дама, 2-я жена генерала-отъ-инфантеріи И. П. Архарова, рожд. Римская-Корсакова, въ молодости была очень привлекательна лицомъ, привѣтлива и ласкова, отличалась особенно высокимъ ростомъ и прекраснымъ цвѣтомъ лица, сохранившимся до старости. Не получивъ никакого образованія, она обладала большимъ природнымъ умомъ; имѣя доброе сердце, была характера независимаго и твердаго, и до конца жизни оставалась вѣрна взглядамъ, сложившимся у нея въ юности и строго относилась къ тѣмъ людскимъ слабостямъ, которыя считала предосудительными; это была цѣльная личность, не знавшая сомнѣній и колебаній. Е. А. вышла замужъ не особенно молодой и сразу установила въ домѣ тотъ порядокъ, который придалъ ему типичный старо-московскій характеръ. Архарова умѣло управляла своими дѣлами и не дѣлала никогда долговъ, а излишки доходовъ употребляла на добрыя дѣла и подарки. Отъ разъ установленнаго порядка и чина не дѣлалось никакихъ отступленій: до конца жизни ѣздила она въ старомодной каретѣ, удивлявшей весь Петербургъ, на ветхихъ одрахъ, съ тѣми же кучеромъ и форейторомъ, которые состарѣлись вмѣстѣ съ ней; въ одноколкѣ ѣздила за грибами, которые собиралъ ея кучеръ, жила среди цѣлаго сонма дальнихъ родственницъ и приживалокъ, но зато никогда не хотѣла увеличить оброка съ своихъ крестьянъ, размѣры котораго были когда-то установлены самимъ Иваномъ Петровичемъ. Строго соблюдая посты и церковныя правила, Е. А. имѣла свои слабости: любила хорошо покушать и поиграть въ карты. Всенощная и пасхальная заутреня совершались на дому, и на Пасху она христосовалась со всѣми. Строй жизни въ домѣ былъ патріархальный: съ замужними дочерьми она не разставалась, родственныя связи признавала до едва замѣтныхъ степеней и всегда покровительствовала тѣмъ, кто умѣлъ счесться съ ней родствомъ или свойствомъ. Послѣ смерти мужа, Архарова жила въ Петербургѣ съ дочерью Васильчиковою, проводя лѣто въ Павловскѣ. Архарова пользовалась всеобщимъ уваженіемъ: въ дни рожденія (12 Іюля) и именинъ всѣ являлись ее поздравить; Императрица Марія Ѳеодоровна ежегодно 12 Іюля удостаивала ее своимъ посѣщеніемъ. Просьбамъ и ходатайствамъ Е. А. не отказывали, и почетъ „старухѣ Архаровой“ принимался ею какъ нѣчто должное, принадлежащее по праву. Когда Е. А. получала приглашеніе Императрицы къ обѣду, она являлась ко двору въ томъ самомъ костюмѣ, въ которомъ изобразилъ ее Боровиковскій. Приглашеніе это было событіемъ въ домѣ: по возвращеніи изъ дворца происходила изъ рукъ барыни раздача всѣмъ домочадцамъ и дворнѣ лакомствъ, безцеремонно взятыхъ съ Высочайшаго стола. Архарова любила, чтобы ей читали вслухъ и интересовалась русской литературой, но просила пропускать страшныя мѣста. Она боялась смерти и умерла, 27 Мая 1836 г., съ твердостью, въ полной памяти. Похоронена на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры.

(Съ портрета Боровиковскаго; собственность М. А. Васильчиковой, с. Кораллово, Московск. губ.)

9

CATHERINE ALEXANDROWNA ARKHAROFF, 1755—1836, dame de l'ordre de Ste-Catherine, seconde femme du général d'infanterie I. P. Arkharoff, née Rimsky-Korsakoff, était dans sa jeunesse d'un physique très agréable, accueillante, aimable, et se distinguait surtout par sa haute taille et par un teint magnifique, qu'elle conserva jusqu'à sa vieillesse. Dépourvue d'instruction, elle avait naturellement un bon esprit; douée d'un bon cœur, elle était d'un caractère indépendant et ferme, et resta jusqu'à la fin de sa vie fidèle aux idées qu'elle s'était faites dans sa jeunesse et sévère pour les faiblesses humaines qu'elle trouvait condamnables. C'était une personnalité bien entière, ignorant le doute et l'indécision. Elle se maria n'étant déjà plus trop jeune, et donna dès le début à sa maison une organisation qui lui assura son caractère typique de vieil intérieur moscovite. Mme Arkharoff menait habilement ses affaires, ne faisant jamais de dettes et dépensant son superflu en bonnes œuvres et en dons. L'ordre et la règle une fois adoptés ne souffraient plus aucun changement: elle eut toute sa vie la même voiture à l'ancienne mode qui faisait l'étonnement de tout Pétersbourg, attelée de vieilles haridelles, avec le même cocher et le même laquais qui avaient vieilli avec elle; elle avait aussi une carriole pour aller aux champignons, et elle les faisait ramasser par le cocher. Elle avait chez elle toute une maisonnée de parents éloignés et de parasites, mais en revanche elle ne voulut jamais augmenter l'obrok de ses paysans, dont le montant avait été jadis fixé par son mari lui-même. Rigoureuse observatrice des carêmes et des règles religieuses, elle avait aussi ses faiblesses: elle aimait la bonne chère et les cartes. L'office du soir et l'office de minuit de Pâques étaient célébrés dans la maison et elle donnait le baiser de Pâques à tout le monde. Le genre de vie était tout patriarcal: elle gardait avec elle ses filles mariées; elle tenait compte des liens de parenté jusqu'aux degrés les plus éloignés, et elle était toujours prête à faire quelque chose pour qui savait se faire reconnaître comme parent à un titre quelconque. Après la mort de son mari, Mme Arkharoff habita Pétersbourg avec sa fille Mme Vassiltchikoff, et passait l'été à Pavlowsk. Elle jouissait de l'estime générale: le jour anniversaire de sa naissance (12 juillet) et le jour de sa fête, tout le monde venait la féliciter, et tous les ans, le 12 juillet, l'Impératrice Marie Féodorowna l'honorait de sa visite. Ce qu'elle demandait pour ses protégés ne lui était jamais refusé, et les hommages témoignés „à la vieille Mme Arkharoff" étaient agréés comme quelque chose qui lui était dû et à quoi elle avait droit. Quand l'Impératrice l'invitait à dîner, elle arrivait à la Cour avec le même costume où l'a représentée Borovikowsky; son retour était un événement dans la maison: elle distribuait de ses mains à tout son monde et à tous ses gens des friandises prises sans façon à la table Impériale. Elle aimait se faire faire la lecture, et s'intéressait à la littérature russe, mais elle faisait passer les endroits qui pouvaient l'effrayer. Elle avait peur de la mort, et mourut, le 27 mai 1836, avec fermeté, en pleine connaissance. Elle fut inhumée au cimetière St-Lazare, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Borovikowsky, appartenant à Mlle M. Vassiltchikoff, à Korallowo, gouv. de Moscou.)

9

Пис. Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Екатерина Александровна Архарова, 1755–1836 | Catherine Alexandrowna Arkharoff, 1755–1836

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

10

Княгиня ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА ЮСУПОВА, 1769—1841, дочь ротмистра Смоленской шляхты Василія Андреевича Энгельгардта и родной сестры князя Таврическаго, Мароы Александровны Потемкиной, 12-и лѣтъ была уже пожалована фрейлиной. Пріѣхавшая около этого времени въ Петербургъ герцогиня Кингстонъ была такъ очарована молодой красавицей, что хотѣла сдѣлать ее наслѣдницей своего колоссальнаго состоянія, если она поѣдетъ съ ней въ Англію, но Татьяна Васильевна отказалась. Племянница свѣтлѣйшаго князя не нуждалась въ милліонахъ герцогини: подобно своимъ старшимъ сестрамъ, она получила большое приданое, хотя и не играла въ жизни дяди такой роли, какъ тѣ. Въ 1785 г. она вышла замужъ за генералъ-поручика Михаила Сергѣевича Потемкина, бывшаго на 25 лѣтъ старше ея. Чрезъ 6 лѣтъ овдовѣла—мужъ ея утонулъ, и два года спустя, въ 1793 г., сдѣлалась женой блестящаго Екатерининскаго вельможи, богача князя Н. Б. Юсупова. Бракъ былъ неудаченъ, и скоро супруги стали жить врозь. Княгиня любила деревенское уединеніе и избѣгала шумнаго свѣта; около нея собиралось небольшое избранное общество—Державинъ, Крыловъ, Жуковскій и Пушкинъ были ея гостями; она покровительствовала артистамъ и знаменитой Парашѣ Сибирячкѣ. Юсупова обладала практическимъ умомъ и умѣло управляла своими имѣніями; къ опытности ея въ финансовыхъ дѣлахъ прибѣгали другіе. Просто одѣваясь и ведя скромный образъ жизни, она прослыла скупой; но отказывая себѣ, она значительную долю доходовъ тратила на дѣла благотворенія и рѣдко отказывала въ помощи. У Юсуповой была страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ, и она составила большую коллекцію камней, камей, сердоликовъ и ониксовъ съ вырѣзанными эмблемами и девизами; украшеніями этой коллекціи были брилліантъ „Полярная звѣзда“ и жемчужина Филиппа II Испанскаго „Перегрина“. Княгиня Юсупова умерла 23 Мая 1841 г. и погребена въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета В. Лебренъ, принадлежащаго княгинѣ З. Н. Юсуповой, С.-Петербургъ.)

10

La princesse TATIANA VASSILIEWNA YOUSSOUPOFF, 1769—1841, fille d'un noble de la szlachta de Smolensk, le chef d'escadrons Basile Andréewitch Engelhardt, et de la sœur du prince de Tauride, Marie Alexandrowna Potemkine, fut faite demoiselle d'honneur dès l'âge de douze ans. La duchesse de Kingstown, qui arrivait alors à Pétersbourg, fut si enthousiasmée de la beauté de la jeune fille, qu'elle voulut la faire héritière de son immense fortune, à condition qu'elle la suivrait en Angleterre, mais la jeune Tatiana refusa. Aussi bien, la nièce du prince sérénissime n'avait pas besoin des millions de la duchesse: comme ses sœurs aînées, sans avoir joué pourtant dans la vie de son oncle le même rôle qu'elles, elle avait reçu une grosse dot. En 1785, elle épousa le général-lieutenant M. S. Potemkine, plus âgé qu'elle de vingt-cinq ans. Restée veuve au bout de six ans (son mari mourut noyé), elle se remaria deux ans après, en 1793, au millionnaire N. B. Youssoupoff, le fastueux grand-seigneur du temps de Catherine. Le mariage ne fut pas heureux, et les époux ne tardèrent pas à se séparer: la princesse aimait la vie retirée de la campagne et fuyait le bruit de la vie mondaine; elle réunit autour d'elle un petit cercle d'élite, recevant Derjavine, Kryloff, Joukowsky et Pouchkine, et protégea des artistes, et aussi la célèbre Prascovie, la Jeune Sibérienne. Mme Youssoupoff avait un esprit pratique et gérait habilement ses propriétés; on venait la consulter sur des questions d'argent. Simplement vêtue et vivant sur un pied modeste, elle passait pour avare, mais, tout en se privant elle-même, elle consacrait une bonne partie de ses revenus à des œuvres de bienfaisance, et refusait rarement un secours. Elle avait la passion des pierres précieuses et fit une grande collection de pierres, de camées, de cornalines et d'onyx, avec des emblèmes et des devises gravées; les plus beaux joyaux de cette collection étaient le brillant „l'Etoile Polaire" et la perle de Philippe II d'Espagne „Peregrina".

La princesse Youssoupoff mourut le 23 mai 1841 et fut inhumée au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de Vigée-Lebrun, propriété de la princesse Z. N. Youssoupoff, à St-Pétersbourg.)

Пис. В. Лебренъ

Peint par Elisabeth Vigée Lebrun

Княгиня Татьяна Васильевна Юсупова, 1769-1841

La Princesse Tatiana Vassiliewna Youssoupoff, 1769-1841

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

11

Графиня ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА РОСТОПЧИНА, 1776—1859, дочь сенатора, генералъ-поручика Петра Степановича Протасова и Александры Ивановны, рожденной Протасовой, вмѣстѣ съ четырьмя своими сестрами, получила воспитаніе въ домѣ тетки, Анны Степановны Протасовой, камеръ-фрейлины и личнаго друга Императрицы Екатерины II. Она дала своимъ племянницамъ блестящее по тогдашнимъ понятіямъ образованіе, при чемъ главное вниманіе обращено было на иностранные языки, не исключая латинскаго и греческаго, въ ущербъ русскому, которому ихъ не обучали, равно какъ и отечественной исторіи и религіи. Екатерина Петровна была въ молодости очень хороша собою: стройная, высокаго роста, съ правильными и выразительными чертами лица и великолѣпными черными глазами, полными живости и огня. По характера она была сдержаннаго и несообщительнаго, не любила свѣтскихъ развлеченій и имѣла мало успѣха въ свѣтѣ. Въ 1791 г. пожалована была фрейлиной и вскорѣ затѣмъ вышла замужъ за графа Ф. В. Ростопчина, плѣнивъ мужа, одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени, столько же своей красотой, сколько серіознымъ своимъ характеромъ; бракъ этотъ былъ счастливъ до того времени, когда въ жизни графини Екатерины Петровны произошелъ переломъ, наложившій тяжелый отпечатокъ на ея дальнѣйшую судьбу. Воспитанная въ вольнодумствѣ и въ незнаніи православной вѣры, ища въ то же время религіозной опоры и утѣшенія, она, какъ и сестры ея, поддалась увѣщаніямъ іезуитовъ и перешла въ католичество. Хотя перемѣна ею религіи и сохранялась въ тайнѣ, съ этого времени нарушились единеніе и согласіе въ ея семейной жизни съ мужемъ. По оставленіи графомъ Ростопчинымъ въ 1814 г. должности Московскаго главнокомандующаго, супруги переселились за границу, жили долгое время въ Германіи и Франціи и лишь въ 1825 г. вернулись въ Москву. Здѣсь скончалась отъ чахотки, 18 лѣтъ отъ роду, незамужняя дочь ихъ, Елизавета, любимица отца, передъ самой смертью принявшая католичество при обстоятельствахъ, заставляющихъ предполагать непосредственное воздѣйствіе матери. Этотъ послѣдній ударъ окончательно сломилъ стараго графа, ослабѣвшее здоровье его не вынесло этого потрясенія, и онъ скончался въ 1826 году, успѣвъ, однако, сдѣлать необходимыя распоряженія къ устраненію жены отъ воспитанія малолѣтняго сына Андрея и управленія завѣщаннымъ ему громаднымъ состояніемъ. Слѣдуя фанатическимъ принципамъ католичества, графиня Екатерина Петровна не присутствовала даже на похоронахъ мужа. Къ дѣтямъ своимъ она всегда относилась холодно и мало ими интересовалась. Сдержанный и сосредоточенный характеръ ея съ годами становился угрюмѣе и суровѣе, и она жила замкнутой жизнью, лѣтомъ—въ оставленномъ ей мужемъ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, а зимой—въ старомъ запущенномъ домѣ на Басманной, окруженная француженками-компаньонками и воспитанницами, и католическими аббатами, пользовавшимися ея состояніемъ для дѣла католической пропаганды. Рѣдко кого принимая, она выѣзжала только къ обѣднѣ и остальную часть времени проводила въ чтеніи духовныхъ книгъ и молчаливомъ хожденіи взадъ и впередъ по длинной анфиладѣ комнатъ мрачнаго и опустѣлаго дома. Скончалась она 14 Сентября 1859 г., 83 лѣтъ отъ роду, и погребена на католическомъ кладбищѣ въ Москвѣ.

(Съ портрета, писаннаго Брауномъ въ Вѣнѣ; принадлежалъ (въ 1902 г.) князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

11

La comtesse CATHERINE PETROWNA ROSTOPTCHINE, 1776—1859, fille du sénateur, lieutenant-général Pierre Stépanowitch Protassoff et d'Alexandrine Ivanowna, née Protassoff, fut élevée ainsi que ses sœurs dans la maison de sa tante, Anne Stépanowna Protassoff, demoiselle d'honneur et amie intime de l'Impératrice Catherine II. Les demoiselles Protassoff y reçurent une éducation brillante suivant les idées du temps: elles possédaient dans la perfection les langues étrangères, y compris le grec et le latin, mais on négligea de leur apprendre la langue russe ainsi que l'histoire et la religion de leur pays. Catherine Pétrowna Protassoff dans sa jeunesse passait à juste titre pour une beauté: grande et svelte, elle avait les traits réguliers et beaucoup d'expression dans un visage éclairé de superbes yeux noirs pleins de feu et de vivacité. D'un caractère renfermé et taciturne, elle n'aimait toutefois pas le monde et ses distractions. Nommée demoiselle d'honneur de l'Impératrice en 1791, elle ne tarda pas à épouser le chambellan comte Th. V. Rostoptchine. Un des hommes les plus spirituels et les plus instruits de son temps, il s'était laissé captiver autant par la beauté éclatante de Mlle Protassoff que par son esprit sérieux, si pareil au sien. Cette union fut heureuse jusqu'au moment où la comtesse Rostoptchine, étrangère au culte de son pays dont elle ne connaissait ni les dogmes, ni la pratique, passa au catholicisme sous l'influence des jésuites. La conversion de sa femme blessa cruellement les croyances orthodoxes du comte Rostoptchine et amena la désunion dans le ménage, qui ne fit par la suite que s'accroître. Rentrés à Moscou en 1825 après un séjour d'une dizaine d'années en France et en Allemagne, les Rostoptchine y virent mourir de la phtisie leur fille Elisabeth, âgée de 18 ans. La mort de la jeune fille, favorite du père, et la certitude qu'il acquit que sur son lit de mort sa mère lui fit abjurer la religion orthodoxe en faveur du catholicisme porta le coup de grâce à la santé déjà ébranlée du vieux comte: il mourut en 1826 après avoir pris toutes les mesures pour écarter sa femme de l'éducation de leur jeune fils André et de la gestion de l'énorme fortune qu'il léguait à ce dernier. La comtesse Rostoptchine n'assista pas aux obsèques de son mari. Du reste, renfermée dans les pratiques austères du catholicisme avec le fanatisme propre aux nouveaux prosélytes, la comtesse Rostoptchine s'intéressait peu à ses enfants. Elle ne rechercha pas les joies de famille qu'elle aurait pu trouver dans la société de ses enfants et petits-enfants, et préféra se cloîtrer dans sa vie isolée, passant l'été dans son domaine de Voronowo qui lui avait été laissé par son mari et l'hiver dans sa maison de la Basmannaïa, à Moscou. Entourée de mercenaires et de prêtres jésuites qui exploitaient sa dévotion, et ne recevant presque personne, elle ne sortait que pour aller à la messe et passait son temps à faire des lectures pieuses et des promenades interminables par les appartements déserts de sa maison abandonnée. La comtesse Rostoptchine mourut en 1859 à l'âge de 85 ans et fut enterrée à Moscou au cimetière catholique.

(D'après l'original de Braun, fait à Vienne et ayant appartenu en 1902 au prince P. A. Golitzine, à Moscou.)

11

Пис: Браунъ | Peint par Braun

Графиня Екатерина Петровна Ростопчина, 1776-1856 | La Comtesse Catherine Petrowna Rostoptchine, 1776-1856

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

Графъ ФЕДОРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РОСТОПЧИНЪ, 1765—1826, генералъ-адъютантъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ и первый графъ этой, хотя и старой, но не видной и не богатой дворянской фамиліи, сынъ Орловскаго помѣщика капитана Василія Федоровича и его жены, рожд. Крюковой, родился 12 Марта 1765 г. Записанный съ 10 лѣтъ въ преображенцы, въ молодости много путешествовалъ за границей, гдѣ слушалъ лекціи въ Лейпцигскомъ университетѣ. Человѣкъ большого ума и рѣдкаго остроумія, пріобрѣлъ блестящее наружное образованіе, красно говорилъ и умѣлъ подмѣтить и представить все смѣшное. При Екатеринѣ II онъ не занималъ виднаго поста и только въ 1791 г. съ гр. Безбородко ѣздилъ въ Константинополь для переговоровъ о мирѣ. Камергеръ Гатчинскаго двора, онъ „забавлялъ и развлекалъ своими выдумками" скучавшаго Великаго Князя, умѣлъ заслужить его расположеніе и быстро возвысился при Павлѣ. Назначенный генералъ-адъютантомъ въ 1-й день его царствованія, пользуясь неограниченнымъ довѣріемъ Государя, Ростопчинъ скоро сдѣланъ дѣйств. тайн. совѣтникомъ, канцлеромъ ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, графомъ Россійской Имперіи (22 Февраля 1799 г.), членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ въ ней первоприсутствующимъ и членомъ Совѣта Императора. Ведя борьбу съ гр. Н. П. Панинымъ, онъ успѣлъ отдѣлаться отъ способнаго противника, но вскорѣ и самъ попалъ въ немилость. Близкій человѣкъ и союзникъ Кутайсова въ дѣлѣ придворныхъ интригъ, личный врагъ Нелидовой, онъ былъ ненавистенъ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. Въ концѣ царствованія Павла, уволенный отъ всѣхъ должностей, онъ уѣхалъ въ Москву и здѣсь получилъ извѣстіе о трагической кончинѣ своего благодѣтеля, которому служилъ изъ личныхъ выгодъ и которому подъ конецъ сталъ „противенъ" своимъ характеромъ. Живя съ 1801 по 1810 г. въ отставкѣ, Ростопчинъ былъ назначенъ предъ Отечественной войной главнокомандующимъ въ Москвѣ, съ переименованіемъ изъ оберъ-камергеровъ въ генералы-отъ-инфантеріи. На этомъ посту онъ проявилъ замѣчательную дѣятельность организатора ополченій; своими „афишами" онъ старался поднять духъ населенія и, не желая отдать Москвы французамъ въ цѣлости, успѣшно способствовалъ развитію пожаровъ, уничтожившихъ полъ-столицы. „Непріятель, войдя въ Москву, нашелъ въ ней голодъ, оставляя ее—свое уничтоженіе", писалъ онъ Александру I, „я спасъ Имперію и остаюсь въ убѣжденіи, что Вы меня уважаете, ибо Бонапартъ почтилъ меня своей ненавистью". Тяжелымъ чернымъ пятномъ легло на его память убійство Верещагина, фактъ, недостойный ни администратора, ни человѣка, и Александръ не простилъ ему этого: „Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами инымъ языкомъ, кромѣ языка полной откровенности: его казнь была безполезна и притомъ ни въ какомъ случаѣ не должна была совершиться такимъ образомъ". Уволенный отъ должности главнокомандующаго 30 Августа 1814 г., съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта, Ростопчинъ уѣхалъ вскорѣ за границу, въ Германію и Францію, для лѣченія, а затѣмъ поселился въ Парижѣ. Съ прежней ненавистью къ „Бонапарту", выражавшейся нерѣдко въ формахъ, мало достойныхъ серіознаго и умнаго человѣка, и съ обычнымъ злоязычіемъ браня французовъ, гр. Ростопчинъ удивлялъ ихъ своимъ остроуміемъ и начитанностью, между тѣмъ какъ молва во Франціи говорила, что онъ варваръ и необразованный мужикъ; уѣзжая обратно въ Россію, онъ увозилъ съ собой собраніе картинъ и предметовъ искусства на пополненіе рѣдкостей, сгорѣвшихъ въ Вороновѣ, и написалъ пріятную французамъ брошюру „Правда о пожарѣ Москвы", въ которой, развѣнчивая свою славу, увѣрялъ, что пожаръ Москвы дѣло случая. Послѣдніе годы жизни онъ провелъ въ Москвѣ. Его любили здѣсь за вѣжливое обращеніе и хлѣбосольство, но не прощали ему злоязычія. Мягкость и даже сентиментальность—рядомъ съ черствостью и жестокостью, охотникъ до громкихъ фразъ, проповѣдникъ идей добра и чести, онъ способенъ былъ на поступки, которымъ трудно найти оправданіе. Братья Воронцовы были его друзьями, братья Булгаковы—его искренними почитателями, но другомъ его былъ также и Кутайсовъ во дни своей силы... Какъ бы то ни было, Ростопчинъ былъ безспорно умный и энергичный человѣкъ, и ему нельзя отказать ни въ пониманіи своей родины и силы народнаго духа, ни въ знаніи людей вообще. Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Петровнѣ Протасовой, которая, сдѣлавшись ярой католичкой, стала ему подъ конецъ чужой; отъ нея онъ имѣлъ 2-хъ сыновей и 5-хъ дочерей. Графъ Ростопчинъ скончался въ Москвѣ 18 Января 1826 г. и погребенъ на Московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ.

(Съ портрета О. Кипренскаго 1809 г., находящагося въ Архивѣ Мин. Иностр. дѣлъ, въ Москвѣ.)

Le comte THÉODORE VASSILIEWITCH ROSTOPTCHINE, 1765—1826, général aide-de-camp, conseiller d'état actuel et premier comte de cette famille ancienne, mais obscure et peu fortunée, fils d'un propriétaire d'Orel, le capitaine Basile Féodorowitch et de sa femme, née Krukoff, naquit le 12 mars 1765. Enrôlé à 10 ans au régiment Préobragensky, il voyagea beaucoup à l'étranger dans sa jeunesse et suivit les cours de l'université de Leipzig. Très intelligent et extrêmement spirituel, il reçut un brillant vernis d'éducation; doué du don de la parole, il savait relever et faire sentir le côté ridicule des choses. Sous Catherine II, il ne fut guère en vue, et ce n'est qu'en 1791 qu'il accompagna le prince Bezborodko à Constantinople pour les négociations de paix. Chambellan de la Cour de Gatchina, il „amusait et distrayait par ses histoires" l'ennui du Grand-Duc, sut se le concilier et fit une carrière rapide sous le règne de Paul. Nommé général aide-de-camp le jour de son avènement, jouissant d'une confiance sans limites de la part du souverain, Rostoptchine ne tarda pas à devenir conseiller d'état actuel, chancelier de l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, comte de l'Empire Russe (22 février 1799), membre, puis premier-président du Collège des affaires étrangères et membre du Conseil Impérial. Aux prises avec le comte N. P. Panine, il vint à bout de ce capable adversaire, mais ne tarda pas lui-même à tomber en disgrâce. Intime de Koutaïssoff, et de moitié avec lui dans ses intrigues de Cour, ennemi personnel de Mme Nélidoff, il était au plus mal avec l'Impératrice Marie Féodorowna. A la fin du règne de Paul, privé de tous ses emplois, il s'en alla à Moscou, et c'est là qu'il apprit la fin tragique de son bienfaiteur, qu'il avait servi par intérêt personnel et qu'il avait fini par „rebuter" par son caractère. Après être resté en retraite de 1801 à 1810, le comte Rostoptchine fut nommé au début de la Guerre Patriotique commandant en chef de Moscou, et de grand-chambellan fut fait général d'infanterie. A ce nouveau poste, il déploya une activité remarquable dans l'organisation des milices, s'efforça dans ses „Affiches" de relever le moral de la population, et, pour ne pas livrer Moscou intact aux mains des Français, il fit tout son possible pour propager les incendies qui anéantirent la moitié de la capitale. „L'ennemi en entrant à Moscou a trouvé la famine, en en sortant sa destruction", écrivait-il à Alexandre Ier; „j'ai sauvé l'empire, et je suis convaincu que j'ai votre estime, puisque Bonaparte m'a honoré de sa haine". Il y a pourtant un acte qui pèse lourdement sur sa mémoire: c'est le meurtre de Veréchtchaguine, acte indigne de l'administrateur et de l'homme, et qu'Alexandre ne lui pardonna pas: „Je suis trop juste pour vous parler un autre langage que celui de la parfaite sincérité: ce châtiment était inutile, et, dans tous les cas, ne devait pas être mis à exécution dans de telles conditions". Relevé de sa charge de commandant en chef le 30 août 1814, et nommé membre du Conseil de l'Empire, Rostoptchine ne tarda pas à partir pour l'étranger: il alla en Allemagne et en France, pour sa santé, puis se fixa à Paris. Animé de sa même haine contre „Bonaparte", qu'il exhalait souvent en des expressions peu dignes d'un homme sérieux et d'un homme d'esprit, il déblatérait contre les Français avec sa médisance habituelle, tout en les étonnant en même temps par le piquant de son esprit et l'étendue de ses connaissances: or il avait en France la réputation d'un barbare et d'un moujik ignorant. Il rapporta en Russie une collection de tableaux et d'objets d'art destinés à remplacer ceux qui avaient brûlé à Voronovo, et fit une brochure qui n'était pas pour déplaire aux Français, intitulée „La vérité sur l'incendie de Moscou", et où il abdiquait sa gloire en affirmant que l'incendie de Moscou avait été purement accidentel. Les dernières années de sa vie, il resta à Moscou. Il y était apprécié pour ses manières affables et accueillantes, mais on ne lui pardonnait pas sa médisance. Mélange d'une douceur de caractère poussée jusqu'au sentimentalisme, et d'une dureté qui dégénérait en cruauté, amateur de phrases sonores, apôtre des idées de bien et d'honneur, il fut capable d'actes qu'il est difficile de justifier. Les frères Vorontzoff furent ses amis, les frères Boulgakoff ses sincères admirateurs, mais il eut aussi pour ami Koutaïssoff à l'époque de sa splendeur.... Quoi qu'il en soit, Rostoptchine fut incontestablement un homme d'esprit et un homme d'énergie, et on ne saurait lui contester d'avoir eu l'intelligence de son pays et de la force de l'esprit du peuple, ainsi que la connaissance des hommes en général. Il avait épousé Catherine Pétrowna Protassoff, qui, devenue catholique fervente, finit par lui être complètement étrangère; il eut d'elle deux fils et trois filles. Le comte Rostoptchine mourut à Moscou, le 18 janvier 1826, et y fut inhumé au cimetière Piatnitzky.

(D'après l'original de Kiprensky (1809), aux Archives du ministère des affaires étrangères, à Moscou.)

12

Пис. О. Кипренскій, 1809 — Peint par Kiprensky, 1809

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, 1763-1826 | Le Comte Théodore Vassiliewitch Rostoptchine, 1763-1826

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Et.

Графъ НИКИТА ИВАНОВИЧЪ ПАНИНЪ, 1718—1783, сынъ генералъ-майора, позднѣе сенатора, Ивана Васильевича и Аграфены Васильевны, рожд. Эверлаковой, родился въ Данцигѣ, гдѣ въ то время служилъ его отецъ. Обративъ на себя особенно благосклонное вниманіе Императрицы Елизаветы, Панинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры и вслѣдъ за тѣмъ, въ 1747 г., гр. Разумовскій и другія близкія къ Императрицѣ лица устроили назначеніе его посланникомъ въ Данію, откуда въ томъ же году онъ былъ переведенъ въ Стокгольмъ. На этомъ посту онъ пробылъ до 1760 г. и заслужилъ расположеніе канцлера Бестужева-Рюмина. За это время онъ хорошо ознакомился съ Государственнымъ устройствомъ Швеціи и навсегда сдѣлался его поклонникомъ. Въ 1760 г. Панинъ былъ назначенъ оберъ-гофмейстеромъ и воспитателемъ Великаго Князя Павла Петровича, хотя не пользовался довѣріемъ одинаково ни Петра III, ни Екатерины. Тѣмъ не менѣе въ правленіе перваго онъ получилъ орденъ Св. Андрея и чинъ дѣйств. тайн. совѣтника, а при переворотѣ 28 Іюня 1762 г. предполагалъ объявить Екатерину правительницей только лишь до совершеннолѣтія Павла и былъ сторонникомъ ограниченія власти Императрицы. Хотя его „проектъ реформы верховнаго правительства" не получилъ дальнѣйшаго хода, но Екатерина оставила Панина въ роли воспитателя Павла. „Всѣ думали", писала она, „что ежели не у Панина, такъ онъ пропалъ". Къ тому же она и сама цѣнила его дарованія и въ 1763 г., по удаленіи гр. Воронцова, назначила его членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ въ теченіе 20 лѣтъ занималъ первенствующее положеніе. Какъ дипломатъ, Панинъ поддерживалъ идею „Сѣвернаго аккорда". События показали невозможность примиренія интересовъ такихъ государствъ, какъ Россія, Англія, Швеція и Польша, и недальновидность политики Панина, который съ такой настойчивостью держался союза съ Фридрихомъ II и боролся упорно съ теченіемъ, направленнымъ къ сближенію съ Австріей, чему сочувствовала и сама Екатерина и Великій Князь, воспитанникъ Панина. Въ 1767 г. Панинъ вмѣстѣ съ братомъ Петромъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской Имперіи, но особенно щедро онъ былъ награжденъ Императрицей въ 1773 г., при окончаніи воспитанія Павла Петровича. Панинъ не былъ женатъ; бракъ, задуманный имъ уже въ немолодыхъ годахъ съ гр. Анной Петр. Шереметевой (р. 18 Дек. 1744 г., † 17 Мая 1768 г.), былъ разстроенъ неожиданной смертью невѣсты отъ оспы. Умеръ Н. И. Панинъ внезапно 31 Марта 1783 г.

Онъ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени. Какъ государственный человѣкъ, онъ былъ сторонникомъ „утвержденія правительства на твердыхъ основаніяхъ закона" и противникомъ „произвола сильныхъ персонъ и припадочныхъ людей", которыми такъ богатъ былъ въ Россіи XVIII вѣкъ. Тѣмъ не менѣе идеи, высказанныя Екатериной въ ея „Наказѣ", онъ считалъ идущими черезчуръ далеко и „способными поколебать всѣ основы". Нерасположенная къ нему въ душѣ, Императрица отдавала ему должное и говорила по поводу его смерти: „Я долгіе годы жила съ этими двумя совѣтниками, напѣвавшими мнѣ съ двухъ сторонъ каждый свое; смѣлость ума одного (Г. Г. Орлова) и умѣренная осторожность другого (Панина) придавали изящество и мягкость дѣламъ величайшей важности". Какъ воспитатель, Панинъ раздѣлялъ передовыя педагогическія идеи своего времени: наглядное обученіе, „играючи", бесѣды съ выдающимися людьми стояли на первомъ мѣстѣ, съ устраненіемъ всего, что „хотя бы мало могло развратить тѣ душевныя способности къ добродѣтелямъ, съ которыми человѣкъ на свѣтъ происходитъ". Скучный, методичный Панинъ не всегда былъ пріятенъ своему воспитаннику, но взрослый Павелъ Петровичъ любилъ и уважалъ своего воспитателя, которому другія сложныя занятія и другія враждебныя вліянія не дали, впрочемъ, возможности воспитать Великаго Князя такъ, какъ онъ думалъ и желалъ. Какъ человѣкъ, гр. Никита Ивановичъ имѣлъ многія слабости: по выраженію митрополита Платона, онъ „къ гуляніямъ былъ склоненъ", любилъ хорошо поѣсть, питалъ слабость къ женщинамъ.

(Съ портрета работы Рослена 1777 г., собраніе гр. С. В. Паниной, с. Марфино, Московск. губ.)

Le comte NIKITA IVANOWITCH PANINE, 1718—1783, fils du général-major, plus tard sénateur, Ivan Vassiliewitch et d'Agrippine Vassiliewna, née Everlakoff, naquit à Dantzig, où son père était alors au service. Il fut l'objet de l'attention particulièrement bienveillante de l'Impératrice Elisabeth, qui le fit gentilhomme de la chambre; puis, en 1747, le comte Razoumowsky et d'autres personnages de l'entourage de l'Impératrice le firent nommer ambassadeur en Danemark, d'où il fut la même année envoyé à Stockholm. Il y resta jusqu'en 1760, et sut y mériter l'estime du chancelier Bestoujeff-Rioumine; ce séjour lui permit de se mettre bien au courant de l'organisation administrative du gouvernement suédois, dont il resta toujours un admirateur. En 1760, Panine fut fait grand-maître de la Cour et précepteur du Grand-Duc Paul Pétrowitch, tout en n'ayant guère de crédit ni près de Pierre III, ni près de Catherine. Pourtant, sous le règne de Pierre III, il reçut l'ordre de Saint-André et le rang de conseiller d'état privé, et, lors de la révolution du 28 juin 1762, proposa de ne donner la régence à Catherine que jusqu'à la majorité de Paul, et fut partisan d'une restriction de pouvoir pour l'Impératrice. Bien que le „Projet de réforme du pouvoir suprême“ de Panine n'eût reçu aucune suite, Catherine ne lui retira pas le soin de l'éducation de Paul: „Tout le monde croyait“, écrivait-elle, „que, sans Panine, le prince était perdu“. Elle n'était pas non plus elle-même sans apprécier les mérites du comte: en 1763, à la retraite de Vorontzoff, elle le nomma membre du Collège des affaires étrangères, et il y occupa pendant vingt ans une position éminente. Comme diplomate, Panine fut pour un „Accord des puissances du Nord“, mais l'avenir montra l'impossibilité de concilier les intérêts de puissances telles que la Russie, l'Angleterre, la Suède et la Pologne, et l'inclairvoyance de la politique de Panine, partisan obstiné de l'alliance avec Frédéric II et adversaire acharné du parti pour l'entente avec l'Autriche, dont était Catherine elle-même, ainsi que l'élève du comte, le Grand-Duc Paul. En 1767, Panine fut, ainsi que son frère Pierre, élevé à la dignité de comte de l'Empire Russe, mais il fut surtout l'objet de la munificence particulière de l'Impératrice à la fin des études de Paul Pétrowitch. Panine ne fut pas marié: le projet de mariage qu'il fit, déjà à un certain âge, avec la comtesse Anne Pétrowna Chéréméticff (née le 18 décembre 1744, † le 17 mai 1768) fut brusquement interrompu, par la mort de la fiancée qui succomba à la petite vérole. Panine mourut subitement, le 31 mars 1783.

C'était l'homme le plus instruit de son temps. Comme homme d'état, il était partisan de „l'établissement invariable du gouvernement sur les bases strictes de la légalité“ et adversaire de „l'arbitraire des personnages à influence et des gens en faveur“, si nombreux dans la Russie du XVIIIe siècle. Néanmoins les idées exprimées par Catherine dans son „Nakaze“ lui paraissaient poussées trop loin et „propres à ébranler tous les fondements“. Au fond peu disposée en sa faveur, l'Impératrice lui rendait pourtant justice et dit à l'occasion de sa mort: „J'ai passé de longues années avec ces deux conseillers, à entendre la chanson qu'ils me chantaient chacun de leur côté: l'esprit d'audace de l'un (G. G. Orloff) et la mesure prudente de l'autre (Panine) ont donné de l'élégance et du moelleux à des affaires de la plus haute importance“. En matière d'éducation, Panine était dans les idées avancées du temps: en premier lieu, instruire intuitivement, „en jouant“, par des conversations avec les hommes éminents, et encore, écarter tout ce qui „pourrait si peu que ce soit compromettre cette disposition intérieure au bien que l'homme apporte en naissant“. Ennuyeux et méthodique, Panine fut loin d'être toujours agréable à son pupille, mais, devenu homme, Paul Pétrowitch aimait et estimait son précepteur, auquel d'autres fonctions compliquées et d'autres influences hostiles n'avaient pas permis, du reste, d'élever le Grand-Duc comme il l'avait espéré et désiré. Comme homme, le comte Panine avait de nombreuses faiblesses: selon l'expression du métropolite Platon, „il était porté aux dérèglements“, avec le goût de la bonne chère et un faible pour les femmes.

(D'après l'original de Roslin (1777), collection de la comtesse S. V. Panine, à Marfino, gouv. de Moscou.)

Пис: Росленъ, 1777 | Peint par Roslin, 1777

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ, 1718–1783

Le Comte Nikita Ivanowitch Panine, 1718–1783

...ед. Загот. Госуд. Бумагъ. Manufacture des papiers de l'Etat

Князь ВАСИЛІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ-КРЫМСКІЙ, 1722—1782, сынъ кн. Михаила Владиміровича отъ брака съ княжной Евдокіей Юрьевной Одоевской, родился 1 Іюля 1722 г.; 13 лѣтъ началъ службу солдатомъ и уже черезъ годъ, во время Турецкой войны, былъ на штурмахъ Перекопа и Очакова. Въ царствованіе Императрицы Елизаветы командовалъ Тобольскимъ пѣхотнымъ полкомъ, а въ Семилѣтнюю войну генералъ-майоромъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ и былъ тяжело раненъ подъ Кюбриномъ, послѣ чего произведенъ въ генералъ-поручики и награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго. Екатерина II въ день коронаціи пожаловала его въ генералъ-аншефы, а въ 1767 г. онъ получилъ Андреевскую звѣзду. Въ 1771 г. ему поручено командованіе арміей, направленной на Крымскій полуостровъ, вмѣсто „персональнаго оскорбителя“ Екатерины гр. П. И. Панина. Быстро овладѣвъ, 15 Іюня, Перекопской линіей, при чемъ 60/т. армія непріятеля была обращена въ бѣгство, Долгорукій двинулся въ глубь Крыма, взялъ Арабатъ и 29 Іюня былъ уже въ Каѳѣ. Керчь и Еникале были брошены турками, ханъ Селимъ-Гирей бѣжалъ, и въ 2 недѣли весь полуостровъ оказался во власти Россіи. Св. Георгій 1-й ст. и 60/т. руб. были наградой побѣдителю, которому Императрица писала: „Примѣтна мнѣ стала изъ писемъ вашихъ ваша персональная ко мнѣ любовь и привязанность, и для того стала размышлять, чѣмъ бы я могла вамъ сдѣлать пріязнь? Портрета моего въ Крыму нѣтъ, но вы найдете его въ табакеркѣ, кою при семъ посылаю“. Черезъ мѣсяцъ Долгорукій заключилъ съ крымцами „неразрывный союзъ“, отдѣлившій навсегда Крымъ отъ Турціи. По окончаніи войны Долгорукій получилъ шпагу съ алмазами, брилліантовые знаки къ св. Андрею, еще 60.000 руб. и прозвище „Крымскаго“. Говорятъ, что онъ ожидалъ чина фельдмаршала и, обиженный, оставался не у дѣлъ, пока Екатерина не назначила его 11 Апрѣля 1780 г. главнокомандующимъ въ Москву, гдѣ онъ и умеръ 30 Января 1782 г. Долгорукій былъ женатъ на Анастасіи Васильевнѣ Волынской и имѣлъ 2 сыновей и 3 дочерей. Похороненъ въ с. Полуектовѣ-Волынщинѣ, Рузскаго уѣзда, Московской губерніи, въ церкви Трехъ Святителей. Домъ Долгорукаго, въ Охотномъ ряду (теперь Россійское Благородное Собраніе), купленъ былъ послѣ его смерти Московскимъ дворянствомъ.

Современники единогласно признавали Долгорукаго „очень храбрымъ“, но не сходились въ оцѣнкѣ его военныхъ талантовъ, и иные называли его „мало искуснымъ“ и даже—„неспособнѣйшимъ“. Но если бы даже, съ точки зрѣнія военнаго искусства, его лавры не были пріобрѣтены дорогою цѣною, то имя Долгорукаго неразрывно связано съ крупнымъ политическимъ фактомъ, важнымъ для Россіи и національнаго русскаго самолюбія. Какъ администраторъ, откровенно сознаваясь въ своей неопытности, Долгорукій искренно заботился о порядкѣ и справедливости и, не справляясь съ законами, отечески творилъ судъ и расправу по своему разумѣнію; доступъ къ нему былъ всегда свободенъ, и даже во время припадковъ подагры, въ халатѣ, онъ принималъ просителей, лежа на диванѣ. Онъ былъ исконный москвичъ, и Москва гордилась имъ и любила за простоту и патріархальность. Добрый, онъ былъ строгъ съ подчиненными. „Я человѣкъ военный, въ чернилахъ не окупанъ“, говорилъ онъ, подчеркивая свое отвращеніе къ взяточничеству и крючкотворству. „Князь жилъ по-русски, былъ хлѣбосолъ, щедрый человѣкъ. Москва о немъ долго плакала, тужитъ и понынѣ при всякомъ сравненіи съ заступающими его мѣсто“... такъ пишетъ кн. И. М. Долгорукій въ своемъ „Капищѣ сердца“. Другой поэтъ, тоже современникъ, Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, посвятилъ ему эпитафію:

„Прохожій, не дивись, что пышный мавзолей
„Не зришь надъ прахомъ ты его;
„Бываютъ онною покрыты и злодѣи;
„Для добродѣтели нѣтъ славы отъ того!
„Пусть гордость тлѣнныя гробницы созидаетъ,
„По Долгоруковѣ-жъ Москва рыдаетъ!“.

(Съ портрета Рослена 1776 г.; собственность князя П. Д. Долгорукаго, с. Волынщина, Московск. губ.)

Le prince BASILE MIKHAÏLOWITCH DOLGOROUKY-KRYMSKY, 1722—1782, fils du prince Michel Vladimirowitch et de la princesse Eudoxie Youriewna, née Odoewsky, naquit le 1er juillet 1722; à 13 ans, il entra au service comme simple soldat et, un an après, lors de la guerre avec la Turquie, il se trouva aux assauts de Pérékop et d'Otchakowo. Sous le règne de l'Impératrice Elisabeth, il commanda le régiment d'infanterie de Tobolsk, et, lors de la guerre de Sept Ans, prit part comme général-major à plusieurs affaires et fut grièvement blessé à Custrin, ce qui lui valut le grade de général-lieutenant et l'ordre de St-Alexandre Newsky. Catherine II, le jour de son couronnement, le fit général en chef, et, en 1767, il reçut le cordon de St-André. En 1771, il se vit confier le commandement de l'armée en Crimée, au lieu et place du comte Panine, écarté par Catherine pour „offenses personnelles". Dolgorouky ne tarda pas à s'emparer de la ligne de Pérékop, mettant en fuite une armée de 60.000 hommes, pénétra dans l'intérieur du pays, prit Arabat, et, le 29 juin, il était à Kaffa. Kertch et Yénikalé furent abandonnés par les Turcs, le khan Sélim-Guirey prit la fuite, et, en quinze jours, toute la péninsule était au pouvoir de la Russie. L'ordre de St-Georges de 1re classe et 60.000 roubles furent la récompense du vainqueur, auquel l'Impératrice écrivit: „J'ai vu dans vos lettres quel amour et quel attachement vous avez pour moi, et aussi me suis-je demandé en quoi je pourrais vous être agréable. Il n'y a pas de portrait de moi en Crimée, mais vous en trouverez un sur la tabatière que je vous envoie". Un mois après, Dolgorouky conclut avec la Crimée „l'alliance indissoluble" qui la séparait pour toujours de la Turquie. La guerre terminée, il reçut une épée enrichie de diamants, les insignes en brillants de l'ordre de St-André et encore 60.000 roubles, et le surnom de „Krymsky". Il s'attendait, dit-on, à être promu feld-maréchal, et, froissé, resta sans prendre part aux affaires jusqu'au jour où Catherine le nomma, le 11 avril 1780, commandant en chef à Moscou, où il mourut le 30 janvier 1782. Dolgorouky avait épousé Anastasie Vassiliewna Volynsky, dont il eut deux fils et trois filles. Il fut inhumé à Polouektowo-Volynchtchino, gouv. de Moscou, dans l'église des Trois-Prélats. Sa maison de l'Okhotny Riad (aujourd'hui Assemblée de la Noblesse Russe) fut acquise après sa mort par la Noblesse de Moscou.

Les contemporains furent unanimes à reconnaître à Dolgorouky „une grande bravoure", mais ils ne sont pas d'accord sur l'appréciation de ses talents militaires: il s'en trouva qui le jugeaient „peu habile", et même „absolument incapable". Mais si même, au point de vue militaire, ses lauriers furent moissonnés à peu de frais, le nom de Dolgorouky n'en reste pas moins intimement lié à un fait politique considérable et d'une grande importance pour la Russie et l'amour-propre national russe. Comme administrateur, tout en reconnaissant franchement son inexpérience, il veilla avec soin au maintien de l'ordre et de la justice: sans trop se soucier de la loi, il faisait la police et rendait la justice à sa guise, paternellement; on avait toujours accès près de lui, et, même lorsqu'il souffrait de la goutte, il recevait en robe de chambre, étendu sur son divan. C'était un moscovite de vieille roche: Moscou était fière de lui et aimait ses manières simples et patriarcales. Bon de sa nature, il était sévère avec ses subordonnés. „Je suis un homme d'épée, je ne suis pas frotté d'encre", disait-il, marquant ainsi son horreur de la vénalité et de la chicane. „Le prince vivait à la russe, tenant table ouverte et pratiquant la bienfaisance. Moscou le pleura longtemps, et se désole toujours de ne pas lui voir d'égal parmi ceux qui vinrent après lui": ainsi s'exprime le prince Dolgorouky dans son „Sanctuaire de mon cœur". Un autre poète, également du temps, Nélédinsky-Méletzky, lui consacra l'épitaphe suivante:

„Passant, ne cherche pas de mausolée superbe
„Qui recouvre sa cendre:
„Il est des mausolées couvrant des scélérats;
„Pour un homme de bien, ce serait peu de gloire!
„Fi des vains monuments qu'élève la fierté!
„Car pour lui, c'est assez des sanglots de Moscou".

(D'après l'original de Roslin (1776), propriété du prince P. Dolgorouky, à Volynchtchino, gouv. de Moscou.)

Пис. Рослинъ. 1776 | Peint par Roslin. 1776

Князь Василій Михайловичъ Долгорукій-Крымскій, 1722–1782 | *Le Prince Basile Mikhaïlowitch Dolgorouky-Krymsky, 1722–1782*

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

15

Графъ ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ, 1725 — 1811, сынъ знаменитаго дипломата графа Андрея Ивановича отъ брака съ Мареой Ивановной Стрѣшневой, родился 25 Апрѣля 1725 г.; въ царствованіе Императрицы Анны былъ гвардіи капитаномъ, съ воцареніемъ же Елизаветы Петровны, послѣ ссылки отца въ Сибирь, переведенъ въ армію, затѣмъ отпущенъ за границу и въ 1757 г. причисленъ къ посольству въ Парижѣ; въ 1760 г., въ чинѣ бригадира, назначенъ посланникомъ въ Швецію. Его „обстоятельныя и краснорѣчивыя донесенія" отсюда обратили на себя вниманіе, и онъ получилъ рядъ наградъ отъ Екатерины II „за патріотическое усердіе, искусство и прозорливость". Въ чинѣ тайнаго совѣтника, награжденный въ 1772 г. орд. св. Александра Невскаго, 1 Августа 1774 г., но отозванiи изъ Стокгольма, назначенъ членомъ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, а 2 Апрѣля 1775 г. пожалованъ званіемъ вице-канцлера; вскорѣ онъ сдѣланъ сенаторомъ, дѣйств. тайн. совѣтникомъ, получилъ въ 1782 г. Владиміра 1-й ст. и въ 1784 г.— св. Андрея. Послѣ смерти гр. Панина, въ теченіе 14 лѣтъ онъ первенствовалъ въ Коллегіи, но былъ только номинально руководителемъ русской политики, такъ какъ кабинетъ-секретарь Императрицы Безбородко фактически забралъ въ свои руки все управленіе иностранными дѣлами, съ вѣдома Государыни, высоко цѣнившей его выдающіяся способности. Остерману оставлено было представительство и наружный почетъ, чѣмъ онъ и довольствовался до самаго воцаренія Императора Павла, пожаловавшаго его въ канцлеры. Послѣ этого, какъ говоритъ Безбородко, Остерманъ сдѣлалъ попытку „играть первую роль, и тутъ вышли недоразумѣнія, которыя невиннымъ образомъ старику не въ лучшее обратились"; 21 Апрѣля 1797 г., „по причинѣ болѣзненныхъ припадковъ", онъ былъ уволенъ отъ должности и удалился въ Москву—складочное мѣсто опальныхъ вельможъ стараго вѣка, типичнѣйшимъ представителемъ котораго былъ онъ самъ. Высокій и худой, важный на видъ, въ старинномъ костюмѣ Екатерининскаго времени, Остерманъ пользовался за свою прямоту и честность всеобщимъ уваженіемъ въ Москвѣ и удостоивался посѣщеній Императора Александра I. Умеръ 18 Апрѣля 1811 года; былъ женатъ на Александрѣ Ивановнѣ Талызиной (р. 1745 г., † 17 Февр. 1793 г.), дѣтей не имѣлъ.

Великолѣпный на дипломатическихъ пріемахъ, Остерманъ не былъ способенъ къ самостоятельной дѣятельности, и когда пробовалъ противодѣйствовать Безбородку—„бѣда была", какъ пишетъ послѣдній, ибо, „когда за руль брался—худо правилъ". Иностранные дипломаты не щадятъ въ своихъ донесеніяхъ Остермана—„личность совершенно ничтожную", „автомата", „homme de paille" или „tête de paille". Небезпристрастные, быть-можетъ, отзывы иностранцевъ находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ, что того же мнѣнія объ Остерманѣ, по свидѣтельству Храповицкаго, была и сама Екатерина II.

(Съ портрета, находящагося въ Архивѣ Мин. Иностранныхъ дѣлъ, въ Москвѣ.)

15

Le comte IVAN ANDREEWITCH OSTERMANN, 1725—1811, fils du comte André Ivanowitch, le célèbre diplomate, et de Marthe Ivanowna, née Strechneff, naquit le 25 avril 1725. Sous le règne de l'Impératrice Anne, il fut capitaine de la Garde, mais, à l'avènement d'Elisabeth, son père fut déporté en Sibérie, et lui dut passer dans l'Armée; puis on le laissa partir pour l'étranger, et, en 1757, il fut attaché à l'ambassade de Paris; en 1760, ayant rang de brigadier, il reçut le poste d'ambassadeur en Suède. Ses „rapports circonstanciés et éloquents" attirèrent alors l'attention sur lui et lui valurent de la part de l'Impératrice Catherine toute une série de récompenses „pour son zèle, son habileté et sa perspicacité au service de la patrie". Elevé au rang de conseiller privé, il reçut, en 1772, l'ordre de St-Alexandre Newsky; le 1er août 1774, il fut rappelé de Stockholm pour être nommé au Collège des Affaires étrangères, et, le 2 avril 1775, gratifié du titre de vice-chancelier; peu après, il devint sénateur, conseiller privé actuel, et fut décoré, en 1782, de l'ordre de St-Vladimir de 1re classe et, en 1784, de celui de St-André. Après la mort du comte Panine, il occupa pendant quatorze ans le premier rang au Collège, sans être toutefois autrement que de nom le directeur de la politique russe: c'était, en fait, Bezborodko, le secrétaire de cabinet de l'Impératrice, qui avait pris en mains, avec l'assentiment de la Souveraine, haute appréciatrice de ses éminentes capacités, toute la direction des affaires étrangères. Ostermann n'avait conservé que la partie représentative et honorifique, et il s'en contenta jusqu'au jour de l'avènement de l'Empereur Paul, qui le fit chancelier. Il tenta alors, comme dit Bezborodko, „de jouer le premier rôle, et ce fut l'origine de malentendus qui firent tout doucement grand tort au vieil Ostermann". Le 21 avril 1797, „pour raisons de santé", il fut relevé de sa charge et se retira à Moscou, remise générale des grands seigneurs déchus de ce vieux temps dont il était lui-même le représentant le plus typique. Grand et maigre, l'air important, vêtu à la vieille mode du temps de Catherine, Ostermann, grâce à la droiture et à l'honorabilité de son caractère, jouissait de l'estime générale à Moscou, et fut honoré à plusieurs reprises de la visite de l'Empereur Alexandre Ier. Il mourut le 18 avril 1811. Il avait épousé Alexandrine Ivanowna Talyzine (née 1745, † 17 février 1793); il n'eut pas d'enfants.

Magnifique aux réceptions diplomatiques, Ostermann était incapable de la moindre activité personnelle; sa tentative d'opposition à Bezborodko „fut malencontreuse", selon l'expression de celui-ci, car, „lorsqu'il se mettait au gouvernail, il s'en tirait mal". Les diplomates étrangers, dans leurs rapports, ne ménagent guère Ostermann, „personnalité complètement nulle", „automate", „homme de paille": ces appréciations des étrangers, sans être probablement bien impartiales, trouvent une confirmation dans celle de Catherine II elle-même, qui, au témoignage de Khrapovitzky, ne pensait pas autre chose d'Ostermann.

(D'après un original des Archives du Ministère des Affaires étrangères, à Moscou.)

15

Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ, 1725-1811 | Le Comte Ivan Andréewitch Ostermann, 1725-1811

Князь ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1764—1823, сынъ князя Михаила Ивановича отъ брака его съ баронессой Анной Николаевной Строгановой, внукъ извѣстнаго князя Ивана Алексѣевича и Натальи Борисовны, рожд. гр. Шереметевой, родился въ Москвѣ 7 Апрѣля 1764 г.; въ домѣ отца, подъ руководствомъ французскихъ гувернеровъ, получилъ первоначальное образованіе, которое завершилъ въ Московскомъ университетѣ. Въ 1780 г. поступилъ въ Московскій пѣх. полкъ, а въ 1782 г. перешелъ въ Семеновскій. Ведя веселую, свѣтскую жизнь и попавъ ко двору Вел. Кн. Павла Петровича, Долгорукій съ большимъ успѣхомъ выступалъ на сценѣ Гатчинскаго и Павловскаго театровъ и пріобрѣлъ расположеніе Великаго Князя и Великой Княгини. Здѣсь, онъ познакомился съ Евгеніей Сергѣевной Смирной, на которой и женился 31 Января 1787 г. Въ 1790 г., въ чинѣ капитана, принялъ участіе въ Шведской войнѣ; черезъ годъ вышелъ въ отставку бригадиромъ, а 19 Сентября 1791 г. назначенъ вице-губернаторомъ въ Пензу. Скандальная исторія съ женой предводителя Улыбышевой, окончившаяся палочной расправой со стороны мужа, заставила Долгорукаго 17 Декабря 1797 г. оставить службу и поселиться въ Москвѣ. Вскорѣ Долгорукій поступилъ въ Московскую Соляную Контору, въ 1802 г. издалъ первый сборникъ своихъ стихотвореній: „Бытіе моего сердца“ (съ посвященіемъ его „женскому полу“), въ Февралѣ былъ назначенъ Владимірскимъ губернаторомъ, а въ 1804 г. произведенъ въ тайные совѣтники; въ томъ же году онъ лишился нѣжно-любимой жены. Во Владимірѣ князь Долгорукій открылъ гимназію, училища, библіотеку, театръ. Въ 1807 г. онъ женился на Аграфенѣ Алексѣевнѣ Пожарской, рожд. Безобразовой; въ 1808 г. ѣздилъ въ Одессу и описалъ это путешествіе въ сочиненіи „Славны бубны за горами“. Выйдя въ отставку 23 Марта 1812 г. изъ-за непріятностей по службѣ, князь поселился въ Москвѣ, попрежнему увлекаясь театромъ и литературными занятіями. Въ это время онъ составилъ любопытныя воспоминанія о лицахъ, которыхъ встрѣчалъ на своемъ вѣку,—это извѣстное „Капище моего сердца“. Скончался въ Москвѣ 4 Декабря 1823 г. и погребенъ въ Донскомъ монастырѣ.

Литературная дѣятельность Долгорукаго забыта, но въ свое время пользовалась широкой извѣстностью. Оригинальныя, всегда искреннія стихотворенія его заучивались наизусть и сдѣлали Долгорукаго любимымъ и популярнымъ поэтомъ. Произведенія его, отличавшіяся въ раннюю пору его литературной дѣятельности хорошимъ, безыскусственнымъ и бойкимъ языкомъ, всегда носили на себѣ печать неподдѣльнаго чувства и настроенія автора. „Я писалъ“, говорилъ онъ, „собственно для удовольствія своего и тѣхъ, кому перо мое нравится. Читать и писать—всегда были мои стихіи“...

„Угоденъ—пусть меня читаютъ,
„Противенъ—пусть въ огонь бросаютъ:
„Трубы похвальной не ищу“—

эпиграфъ, взятый Долгорукимъ для своихъ сочиненій.

Князь Долгорукій былъ некрасивъ и въ обществѣ былъ извѣстенъ съ прозвищами „Губанъ“ и „Балконъ“. Въ слѣдующихъ нескладныхъ стихахъ описываетъ онъ свой внѣшній видъ:

„Натура маску мнѣ прескверну отпустила,
А нижню челюсть такъ запасну припустила,
Что можно изъ нея, по нуждѣ, такъ сказать,
Въ убытокъ не входя, другому двѣ стачать.
Глазъ пара пребольшихъ, да подъ носомъ не вижу,
То-есть я близорукъ; лорнета ненавижу!
Хоть ростомъ никогда не буду великанъ,
Но въ рекрутскій наборъ и мой годится станъ“....

(Съ портрета, писаннаго Левицкимъ въ 1782 г.; собственность княжны Е. Д. Долгорукой, въ Москвѣ.)

Le prince IVAN MIKHAÏLOWITCH DOLGOROUKY, 1764—1823, fils du prince Michel Ivanowitch Dolgorouky et de la baronne Anna Nikolaewna Stroganoff, petit-fils du célèbre prince Ivan Alexéewitch Dolgorouky et de Natalie Borissowna, née comtesse Chéréméteff, naquit à Moscou le 7 avril 1764; il fut d'abord élevé dans sa famille sous la direction de gouverneurs français, puis alla à l'université de Moscou. En 1780, il prit du service au régiment d'infanterie de Moscou, et passa, en 1782, au régiment Séménowsky. Lancé dans la joyeuse vie mondaine, il arriva à la Cour du Grand-Duc Paul Pétrowitch, parut avec grand succès sur la scène des théâtres de Gatchina et de Pavlowsk, et se concilia la faveur du Grand-Duc et de la Grande-Duchesse. C'est là qu'il fit la connaissance d'Eugénie Serguéewna Smirnoï, qu'il épousa le 31 janvier 1787. En 1790, il fit comme capitaine la guerre de Suède; un an après, il prit sa retraite comme brigadier, et fut nommé, le 19 septembre 1791, vice-gouverneur de Penza. Le scandale que souleva son aventure avec la femme du président de la Noblesse Oulybycheff, dont le mari finit par se faire justice à coups de bâton, obligea Dolgorouky à quitter le service, le 17 décembre 1797, et à se fixer à Moscou. Il entra bientôt à la Régie du sel de Moscou, et fit paraître en 1802 son premier recueil de poésies, intitulé: „La vie de mon cœur", dédié „Au beau sexe". En février, il fut nommé gouverneur de Vladimir, et, en 1804, fait conseiller privé; il perdit la même année sa femme bien-aimée. A Vladimir, il fit ouvrir un gymnase, une école, une bibliothèque, un théâtre. En 1807, il épousa Agrippine Alexéewna Pojarsky, née Bezobrazoff; il fit, en 1808, un voyage à Odessa, dont il publia une relation sous le titre de: „A beau mentir qui vient de loin". Le 23 mars 1812, il prit sa retraite en raison de difficultés dans le service, et se fixa à Moscou, où il se remit au théâtre et à la littérature. C'est alors qu'il composa, sur les personnes qu'il avait eu l'occasion de connaître, les curieux souvenirs qui sont connus sous le titre de „Sanctuaire de mon cœur". Il mourut à Moscou, le 4 décembre 1823, et fut inhumé au monastère Donskoï.

Comme littérateur, Dolgorouky est aujourd'hui oublié, mais il jouit à son époque d'une grande notoriété: pleines d'originalité et de franchise, ses poésies étaient sues par cœur et lui valurent une popularité sympathique. Ses œuvres, écrites au début de sa carrière dans une bonne langue, naturelle et vive, portèrent toujours le cachet de la simplicité d'âme et de l'égalité d'humeur de leur auteur. „J'écris", disait-il, „simplement pour mon plaisir et pour ceux qui goûtent ma plume. Lire, écrire, furent toujours pour moi deux besoins irrésistibles".

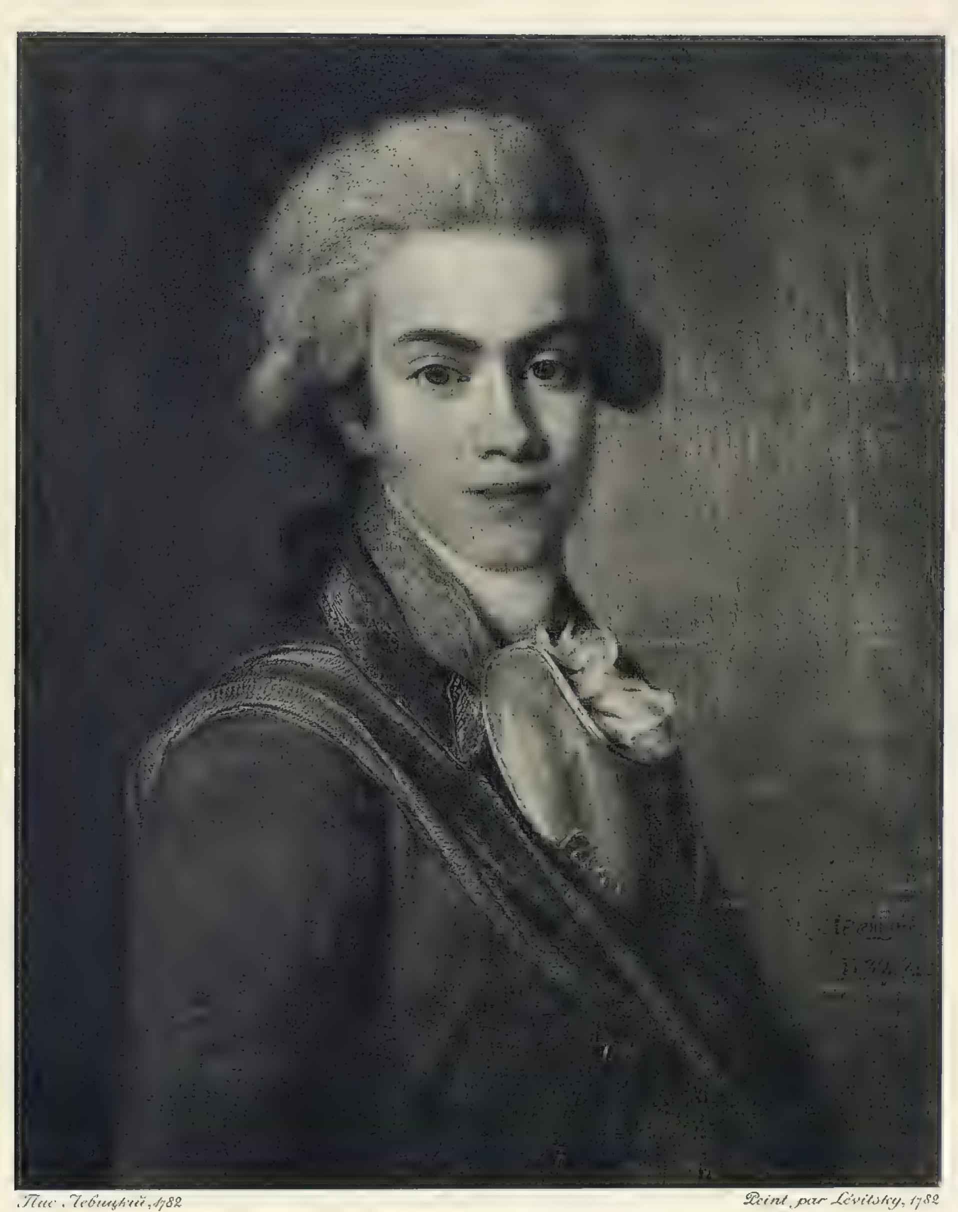
„Mes œuvres plaisent: qu'on les lise;
„Mais sinon, qu'on les jette au feu:
„Je ne recherche pas de réclame bruyante"...

Telle était l'épigraphe choisie par Dolgorouky pour ses œuvres.

Le prince Dolgorouky était laid, et connu dans le monde sous les sobriquets de „Lippu" et de „Balcon". Il décrivit lui-même son physique en quelques vers mal tournés:

„La nature m'a fait un masque abominable,
„Et m'a tant allongé la mâchoire d'en bas,
„Qu'elle pouvait en faire, au besoin, sans rien perdre,
„Une autre en même temps pour un autre mortel.
„Mes grands yeux ne voient pas jusqu'au bout de mon nez:
„C'est que je suis myope; un lorgnon m'horripile!
„Et je n'aurai jamais la taille d'un géant,
„Mais pour faire un conscrit je serais assez grand!"

(D'après l'original de Lévitzky (1782), propriété de la princesse C. Dolgorouky, à Moscou.)

Пис. Левицкій, 1782

Peint par Lévitsky, 1782

Князь Иванъ Михайловичъ Долгорукій, 1764–1823

Le Prince Ivan Mikhaïlowitch Dolgorouky, 1764–1823

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

17

Княгиня **ЕВГЕНІЯ СЕРГѢЕВНА ДОЛГОРУКАЯ**, 1770—1804, рожденная Смирная, жена князя Ивана Михайловича Долгорукаго, родилась 24 Декабря 1770 года. Рано лишившись отца, убитаго Пугачевымъ, она, съ четырьмя братьями и сестрой, осталась на рукахъ матери, женщины съ ограниченными средствами: у ней было всего лишь 17 душъ крестьянъ при д. Подзоловой, Тверской губерніи. Во время путешествія Императрицы Екатерины II по Россіи, Смирная успѣла, при посредствѣ графини Румянцевой, пристроить дѣтей въ учебныя заведенія, при чемъ дочь Евгенія была взята на воспитаніе Великой Княгиней Натальей Алексѣевной, по смерти которой опредѣлена въ Смольный монастырь, гдѣ и окончила курсъ въ 1785 г., получивъ за успѣхи шифръ. По выходѣ изъ Смольнаго, она пользовалась покровительствомъ и расположеніемъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, жила при ея дворѣ; участвуя въ театральныхъ представленіяхъ во дворцѣ и въ великосвѣтскихъ любительскихъ спектакляхъ, познакомилась съ княземъ Иваномъ Михайловичемъ Долгорукимъ, съ которымъ и обвѣнчалась 31 Января 1787 г., при чемъ свадьба ея была отпразднована во дворцѣ Павла Петровича.

Бракъ былъ весьма счастливый: княгиня была кроткое, любящее существо, умирявшее непостоянный, подчасъ слишкомъ пылкій характеръ мужа, который, въ свою очередь, боготворилъ жену и воспѣвалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Послѣ пятнадцатилѣтняго супружества у княгини Долгорукой появились признаки чахотки, которая, несмотря на всѣ усилія врачей побѣдить болѣзнь, свела ее въ могилу: она скончалась во Владимірѣ, 12 Мая 1804 г., и погребена въ Москвѣ, въ Донскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ, который въ 1808 г. посвятилъ ея памяти сборникъ своихъ стихотвореній „Сумерки моей жизни".

Въ обществѣ княгиня Долгорукая была извѣстна подъ именемъ „Нины", полученнымъ ею послѣ того, какъ она съ большимъ успѣхомъ исполнила на любительской сценѣ заглавную роль въ піесѣ „Nina ou la folle par amour". Въ этой роли она была изображена на одномъ портретѣ, небольшого размѣра, во весь ростъ; портретъ этотъ впослѣдствіи принадлежалъ ея второму сыну, князю Александру Ивановичу Долгорукому († 7 Декабря 1868 г.), тоже, какъ и отецъ, поэту.

Отъ брака съ кн. И. М. Долгорукимъ у ней было 4 сына и дочь Варвара-Антонина (за Новиковымъ), которымъ отецъ-поэтъ почему-то давалъ каждому по два имени.

(Съ портрета работы Вуаля, принадлежащаго княжнѣ Е. Д. Долгорукой, въ Москвѣ.)

17

La princesse **EUGÉNIE SERGUÉEWNA DOLGOROUKY**, 1770—1804, née Smirnoï, femme du prince Ivan Mikhaïlowitch Dolgorouky, naquit le 24 décembre 1770. Elle perdit de bonne heure son père, tué par Pougatcheff, et se trouva, avec quatre frères et une sœur, sur les bras de la mère, qui n'avait pas de fortune, possédant en tout et pour tout dix-sept têtes de paysans dans le gouvernement de Tver. Grâce au concours de la comtesse Roumiantzeff, Mme Smirnoï profita du voyage de l'Impératrice Catherine II en Russie pour faire mettre ses enfants dans des établissements d'instruction: Eugénie fut prise par la Grande-Duchesse Natalie Alexéewna, qui se chargea de son éducation et à la mort de laquelle elle entra au couvent de Smolna; elle en sortit, en 1785, avec le chiffre d'honneur. Elle passa alors sous la protection bienveillante de la Grande-Duchesse Marie Féodorowna et resta à sa Cour. C'est aux représentations théâtrales de son palais et aux spectacles que donnaient des amateurs de la haute société qu'elle fit la connaissance du prince Ivan Mikhaïlowitch Dolgorouky, qu'elle épousa le 31 janvier 1787: la cérémonie fut célébrée au palais du Grand-Duc Paul.

Le mariage fut parfaitement heureux: le caractère doux et aimant de la princesse tempéra ce que celui de son mari avait d'inégal, de violent parfois; lui, de son côté, idolâtrait sa femme et fit des vers en son honneur. Au bout de quinze ans d'union, la princesse manifesta des symptômes de phtisie, et les secours de la science furent impuissants: elle mourut à Vladimir le 12 mai 1804, et fut inhumée à Moscou, au monastère Donskoï. Son mari publia en 1808 un recueil de poésies consacré à sa mémoire sous le titre de „Les Ombres de ma vie".

La princesse Dolgourouky était connue dans la société sous le nom de Nina, qui était celui de l'héroïne d'une pièce intitulée „Nina ou la folle par amour", dont elle avait joué le rôle avec grand succès sur une scène d'amateurs. On a d'elle un portrait dans ce rôle, de petite dimension et en pied, qui passa dans la suite à son second fils, le prince Alexandre Ivanowitch Dolgorouky, mort le 7 décembre 1868 et poète comme son père.

Elle avait eu quatre fils et une fille, Varvara-Antoinette (Mme Novikoff): leur père avait eu l'idée de leur faire donner deux noms à chacun de ses enfants.

(D'après l'original de Voille, propriété de la princesse C. Dolgorouky, à Moscou.)

Пис Вуаль | Peint par Voille

Княгиня Евгенія Сергѣевна Долгорукая, 1770-1804

La Princesse Eugénie Serguéewna Dolgorouky, 1770-1804

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

18

Князь АЛЕКСѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ, 1767—1800, шталмейстеръ, см. № 74.

(Съ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ Крейцингеромъ 1795 г.; принадлежалъ въ 1902 г. князю П. А. Голицыну, въ Москвѣ.)

18

Le prince ALEXIS ANDRÉEWITCH GOLITZYNE, 1767—1800, écuyer (V. № 74).

(D'après l'original de Kreuzinger, fait à Vienne (1795) et ayant appartenu, en 1902, au prince P. A. Golitzyne, à Moscou.)

Пис. Крейцингеръ, 1793 | Peint par Kreuzinger, 1793

Князь Алексѣй Андреевичъ Голицынъ, 1767–1800 | Le Prince Alexis Andréewitch Golitzyne, 1767–1800

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

19

Князь АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ДОЛГОРУКІЙ, 1775—1834, сынъ князя Алексѣя Алексѣевича (1716—1792) отъ его 3-го брака, родился 14 Мая 1775 г. (по надгробной надписи) и началъ службу въ гвардіи, гдѣ въ 1791 г. былъ прапорщикомъ; въ 1795 г. переведенъ въ армію премьеръ-маіоромъ, въ 1798 г. пожалованъ орденомъ св. Іоанна Іерусалимскаго и въ 1799 г. произведенъ въ полковники. 6 Іюля 1803 г., переименованный въ дѣйств. статск. совѣтники, перешелъ въ гражданскую службу и былъ прокуроромъ капитула Мальтійскаго ордена. Въ 1808 г. назначенъ Симбирскимъ губернаторомъ, гдѣ проявилъ усердную дѣятельность, особенно по организаціи ополченій въ 1812 г., 17 Мая 1815 г. переведенъ губернаторомъ въ Москву, въ слѣдующемъ году произведенъ въ тайные совѣтники и 26 Мая 1817 г. назначенъ сенаторомъ. Въ 1824 г. ревизовалъ Вятскую губернію, въ 1826 г.—губерніи Воронежскую, Курскую, Пензенскую и Симбирскую, при чемъ ему поручено было изслѣдовать причины частаго побѣга крѣпостныхъ крестьянъ. За исполненіе этого порученія получилъ брильянтовые знаки ордена св. Анны 1-й ст.; въ 1827 г., 2 Апрѣля,—Александровскую ленту и 27 Апрѣля того же года назначенъ товарищемъ министра Юстиціи; черезъ три дня ему повелѣно „по случаю тяжкой болѣзни“ князя Д. И. Лобанова-Ростовскаго „вступить въ права и обязанности министра Юстиціи“. 18 Октября князь Лобановъ, вслѣдствіе преклонныхъ лѣтъ и болѣзни, былъ уволенъ по просьбѣ отъ должности министра, и управленіе министерствомъ попрежнему оставлено за Долгорукимъ „впредь до особаго назначенія“. Произведенный въ дѣйств. тайные совѣтники, отъ 20 Сентября 1829 г. назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, съ увольненіемъ отъ прежней должности.

Умеръ 11 Августа 1834 г. и погребенъ въ церкви Св. Духа Александро-Невской лавры. Былъ женатъ въ первомъ бракѣ на дочери С.-Петербургскаго именитаго гражданина Маргаритѣ Ивановнѣ Апайщиковой (4 сына) и во 2-й разъ на статсъ-дамѣ Варварѣ Николаевнѣ, рожденной Текутьевой (3 сына).

(Съ портрета, писаннаго Боровиковскимъ; собственность В. С. Арсеньева, въ Москвѣ.)

19

Le prince ALEXIS ALEXEEWITCH DOLGOROUKY, 1775—1834, fils du prince Alexis Alexéewitch (1716—1792) et de sa troisième femme, naquit le 14 mai 1775, comme l'indique son monument funéraire, et entra au service dans la Garde, où il était porte-enseigne en 1791; en 1795, il passa dans l'Armée comme premier-major, en 1798, reçut l'ordre de Saint-Jean-de-Jérusalem, et, en 1799, fut promu colonel. Le 6 juillet 1803, il échangea son grade contre le rang de conseiller d'état actuel pour passer au service civil, et fut fait procureur du chapitre de l'Ordre de Malte. En 1808, il fut nommé gouverneur de Simbirsk, où il déploya un zèle énergique, en particulier lors de l'organisation des milices de 1812; le 17 mai 1815, il passa gouverneur à Moscou, fut, l'année suivante, fait conseiller privé, et, le 26 mai 1817, sénateur. En 1824, il fit la révision du gouvernement de Viatka, en 1826, celle des gouvernements de Voronège, Koursk, Penza et Simbirsk: il avait en même temps à rechercher les causes des évasions répétées des serfs. La manière brillante dont il s'acquitta de cette mission lui valut les insignes en diamants de l'ordre de Ste-Anne de 1e classe; en 1827, le 2 avril, il eut le cordon de St-Alexandre, et, le 27 avril de la même année, fut nommé adjoint au ministre de la Justice; trois jours plus tard, il fut, „en raison de la maladie grave" du prince D. Lobanoff-Rostowsky, „investi des prérogatives et fonctions de ministre de la Justice". Le 18 octobre, le prince Lobanoff, affaibli par l'âge et la maladie, fut relevé, sur sa demande, de son poste de ministre, et Dolgorouky continua à rester à la tête du ministère „jusqu'à nouvel ordre". Promu conseiller privé actuel, il fut nommé au Conseil de l'Empire le 20 septembre 1829, et relevé de ses autres fonctions.

Il mourut le 11 août 1834 et fut inhumé à l'église du Saint-Esprit, au monastère d'Alexandre Newsky. Il avait épousé en premières noces Marguerite Ivanowna Apaïchtchikoff, fille d'un notable bourgeois de Pétersbourg, dont il eut quatre fils, et en secondes noces Varvara Nicolaewna Tékoutieff, dame d'honneur, dont il eut trois fils.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de B. Arsénieff, à Moscou.)

19

Пис: Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Князь Алексѣй Алексѣевичъ Долгорукій, 1775–1834 | Le Prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky, 1775–1834

20

Княгиня МАРГАРИТА ИВАНОВНА ДОЛГОРУКАЯ, 1785—1814, жена министра Юстиціи, дочь петербургскаго именитаго гражданина Ивана Андреевича Аннайщикова (1728—1793) отъ брака съ дочерью петербургскаго купца Прасковьей Ермолаевной Калитиной (1746—1802), родилась 5 Октября 1785 г. Была 1-й женой князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукаго (1775—1834), отъ котораго имѣла 4 сыновей: Ростислава, Юрія, Сергѣя и Григорія. Умерла въ 1814 г. и погребена въ Симбирскѣ, гдѣ ея мужъ тогда былъ губернаторомъ.

(Съ портрета работы Боровиковскаго, принадлежащаго В. С. Арсеньеву, въ Москвѣ.)

20

La princesse MARGUERITE IVANOWNA DOLGOROUKY, 1785—1814, femme du ministre de la Justice, fille du notable bourgeois de Pétersbourg Ivan Andréewitch Apaïchtchikoff (1728—1793) et de Prascovie Ermolaewna Kalitine (1746—1802), fille d'un marchand de Pétersbourg, naquit le 5 octobre 1785. Elle fut la première femme du prince Alexis Alexéewitch Dolgorouky (1775—1834), dont elle eut quatre fils, Rostislav, Youri, Serge et Grégoire. Elle mourut en 1814 et fut inhumée à Simbirsk, où son mari était alors gouverneur.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de B. Arsénieff, à Moscou.)

Пис. Боровиковскій | Peint. par Borovikowsky

Княгиня Маргарита Ивановна Долгорукая, 1785–1814 | La Psse Marguerite Ivanowna Dolgorouky, 1785–1814

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

21

Княжны ГАГАРИНЫ, АННА ГАВРИЛОВНА, 1782—1856, и ВАРВАРА ГАВРИЛОВНА, 1784—1808, дочери дѣйств. тайн. совѣтника князя Гаврiила Петровича (1745—1808) и княгини Прасковiи Федоровны, рожденной Воейковой (1757—1801).

Княжна Анна Гавриловна родилась въ Москвѣ 25 Мая 1782 г. и 21 года вышла замужъ за майора Павла Васильевича Головина (р. 16 Iюня 1770 г., † 5 Дек. 1856 г.), человѣка, извѣстнаго своимъ особеннымъ благочестiемъ, друга многихъ архiереевъ, любителя монаховъ и монастырей. По поводу брака своего съ Анной Гавриловной, Головинъ писалъ: „Живя въ своихъ владѣнiяхъ (родовомъ селѣ Деденевѣ-Новоспасскомъ, Дмитровскаго уѣзда, Моск. губ.), я познакомился съ почтеннѣйшимъ сосѣдомъ княземъ Гаврiиломъ Петровичемъ Гагаринымъ, которому угодно было, по предложенiю родителя моего, принять меня въ свое семейство. 1803 г., Маiя 9 дня, я получилъ слово, а Сентября 11 совершено было брачное таинство въ храмѣ Покровскомъ с. Новоспасскаго; общимъ роднымъ сей союзъ былъ утѣшителенъ. Имѣю жену добрую и не модную, истинную христiанку, мать, привязанную къ сыну своему первенцу, коего сама и кормила“... Извѣстный митрополитъ Платонъ, поздравляя кн. Г. П. Гагарина, 31 Августа 1803 г. писалъ изъ своей Виѳанiи: „О обрученiи Вашей дщери я тѣмъ болѣе радуюсь, что и законная Ваша кровь почтенна, и обручникъ мнѣ давно знакомъ съ лучшей стороны, т.-е. со стороны благочестiя и благонравiя“. Анна Гавриловна пережила своего мужа на 20 лѣтъ: П. В. Головинъ умеръ отъ удара 5 Декабря 1836 г. и былъ погребенъ въ с. Новоспасскомъ, съ четками въ рукахъ и въ подрясникѣ, подаренномъ ему его другомъ, архiепископомъ Подольскимъ Кирилломъ. А. Г. Головина имѣла 6 человѣкъ дѣтей: 3 сыновей и 3 дочерей, при чемъ с. Новоспасское перешло ко второму сыну Гаврiилу, съ которымъ она и не разставалась до конца жизни. „Движимая чувствами христiанской вѣры и сострадания къ бѣднымъ“, А. Г. Головина устроила въ Новоспасскомъ въ 1852 г. женскую общину, теперь Спасо-Влахернскiй женскiй монастырь; туда поступила масса рѣдкихъ родовыхъ головинскихъ древнихъ иконъ и фамильныхъ драгоцѣнностей, пожертвованныхъ Г. П. Головинымъ, превосходившимъ отца въ благочестiи и ханжествѣ. „Владыка (митрополитъ Филаретъ Московскiй)“, пишетъ онъ, „приказывалъ было дѣйствительно маминькѣ непремѣнно быть начальницей, хотя на первый случай, но она рѣшительно отказалась по слабости своего здоровья и сильной глухотѣ“. Тѣмъ не менѣе она носила въ послѣднiе годы жизни монашеское одѣянiе, а передъ смертью, послѣдовавшей 25 Iюня 1856 г., приняла постриженiе въ схиму. Погребена въ родовомъ склепѣ подъ монастырскимъ соборомъ, въ Новоспасскомъ.

Самая младшая сестра Анны Гавриловны, княжна Варвара Гагарина, родилась 21 Декабря 1784 года. Умерла въ молодыхъ годахъ 11 Апрѣля 1808 г., была замужемъ за Александромъ Григорьевичемъ Сипуновымъ, братомъ генерала 12-го года Николая Григорьевича Сипунова.

(Съ портрета Боровиковскаго, принадлежащаго В. Ф. Костаревой, въ Москвѣ.)

21

Les princesses GAGARINE, ANNA GAVRILOWNA, 1782—1856, et VARVARA GAVRILOWNA, 1784—1808, filles du prince Gabriel Pétrowitch (1745—1808), conseiller privé actuel, et de la princesse Prascovie Féodorowna, née Voëïkoff (1757—1801).

La princesse Anna Gagarine naquit à Moscou, le 25 mai 1782, et, à l'âge de 21 ans, épousa le major Paul Vassiliewitch Golitzyne (né le 16 juin 1770, † 5 décembre 1836), homme réputé pour sa piété particulière, ami de nombreux évêques et grand amateur de moines et de monastères. Il écrit à propos de son mariage: „Retiré dans mes propriétés (son village patrimonial de Dédénéwo-Novospaskoïé, gouv. de Moscou), j'ai fait la connaissance de mon très honorable voisin le prince Gabriel Gagarine, qui a bien voulu accepter la proposition de mon père et m'admettre dans sa famille. Le 9 mai 1803, j'ai eu sa parole, et, le 11 septembre, le mariage a été célébré à l'église du village de Novospaskoïé; ce fut une grande consolation pour notre famille commune. J'ai une femme bien et pas à la mode, une vraie chrétienne, mère attachée à son fils premier-né, qu'elle a nourri elle-même"…. Le célèbre métropolite Platon félicita le prince G. Gagarine en lui écrivant de sa Béthanie, le 31 août 1803: „La nouvelle du mariage de votre fille m'est d'autant plus agréable, que d'abord l'enfant de votre sang est une digne personne, et que d'ailleurs le fiancé m'est bien connu depuis longtemps sous le rapport le plus avantageux, celui de la piété et des bons principes". La princesse survécut de vingt ans à son mari: P. Golovine mourut d'une attaque d'apoplexie, le 5 décembre 1836, et fut inhumé au village de Novospaskoïé, le rosaire à la main et avec la soutanelle que lui avait donnée son ami l'archevêque de Podolie Cyrille. Anna Golovine avait eu six enfants, trois fils et trois filles; Novospaskoïé passa au second fils Gabriel, dont elle ne se sépara pas de toute sa vie. „Mue par ses sentiments de foi chrétienne et de compassion pour les malheureux", la princesse avait fondé en 1852 à Novospaskoïé une communauté de femmes, aujourd'hui le monastère de femmes Spasso-Vlakhernsky; Gabriel Golovine, qui surpassait encore son père en piété et en dévotion, y fit déposer, à titre de présents, une quantité d'anciennes icones rares des Golovine et d'autres objets précieux de famille. „Monseigneur" (le métropolite Philarète de Moscou), écrit-il, „voulait absolument faire de maman la supérieure, au moins à la première occasion, mais elle a refusé catégoriquement en alléguant la faiblesse de sa santé et sa forte surdité". Elle porta néanmoins dans les dernières années de sa vie l'habit monastique, et, à son lit de mort († 25 juin 1856), prit le voile d'ascète. Elle fut inhumée dans le caveau de famille de l'église du monastère de Novospaskoïé.

La plus jeune sœur d'Anna Gagarine, la princesse Varvara, naquit le 21 décembre 1784. Elle mourut jeune, le 11 avril 1808. Elle avait épousé Alexandre Grigoriewitch Sigounoff, le frère du général de 1812, Nicolas Sigounoff.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de Mme V. Kostareff, à Moscou.)

21

Пис: Боровиковскій | Peint par Borovikowsky

Княжны Анна, 1782-1856, и Варвара, 1784-1808, Гагарины

Les P[sses] Anne, 1782-1856, et Varvara, 1784-1808, Gagarine

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

22

Княжна ЕКАТЕРИНА ГАВРИЛОВНА ГАГАРИНА, 1783—1861, четвертая дочь дѣйств. тайнаго совѣтника князя Гаврiила Петровича Гагарина отъ брака съ Прасковьей Федоровной Воейковой, родилась 28 Августа 1783 года; была замужемъ за подпоручикомъ гвардiи княземъ Никитою Сергѣевичемъ Долгорукимъ (р. 25 Iюля 1768 г., † 2 Февр. 1842 г.), отъ котораго имѣла сына и дочь. Умерла 2 Марта 1861 г. на 78-мъ году жизни и похоронена въ Московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, рядомъ съ мужемъ.

Портретъ ея, писанный Боровиковскимъ, идущiй изъ рода Головиныхъ, былъ купленъ гдѣ-то П. М. Третьяковымъ, какъ портретъ „неизвѣстной", подъ каковымъ названiемъ и теперь находится въ Третьяковской галлереѣ, въ Москвѣ. Точно такой же ея портретъ, переходившiй по наслѣдству въ родѣ Головиныхъ, въ настоящее время принадлежитъ В. Ф. Костаревой.

(Съ портрета Боровиковскаго, принадлежащаго В. Ф. Костаревой, въ Москвѣ.)

22

La princesse **CATHERINE GAVRILOWNA GAGARINE**, 1783—1861, quatrième fille du prince Gabriel Pétrowitch Gagarine, conseiller privé actuel, et de Prascovie Féodorowna, née Voéïkoff, naquit le 28 août 1783; elle épousa le prince Nikita Sergueéwitch Dolgorouky (né le 25 juillet 1768, † 2 février 1842), sous-lieutenant de la Garde, dont elle eut un fils et une fille. Elle mourut le 2 mars 1861, dans sa 78e année, et fut inhumée à Moscou, au monastère de Novospaskoïé, près de son mari.

Son portrait, par Borovikowsky, vient de la famille Golovine: il fut acheté on ne sait où par P. Trétiakoff comme „portrait d'une inconnue", désignation sous laquelle il figure encore maintenant à la Galerie Trétiakoff, à Moscou. Un autre portrait d'elle, identique à celui-là, qui s'est transmis par héritage dans la famille Golovine, appartient actuellement à Mme V. Kostareff.

(D'après l'original de Borovikowsky, propriété de Mme V. Kostareff, à Moscou.)

Пис. Боровиковскій

Peint par Borovikowsky

Княжна Екатерина Гавриловна Гагарина, 1783-1861

La Princesse Catherine Gavrilowna Gagarine, 1783-1861

Экспед. Загот. Госуд. Бумагъ — Manufacture des papiers de l'Etat

23

ПАВЕЛЪ СТЕПАНОВИЧЪ РУНИЧЪ, 1747—1825, тайный совѣтникъ, былъ сынъ выходца изъ Угорской Руси и еще въ дѣтствѣ опредѣленъ былъ въ Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ принималъ участіе въ первой турецкой войнѣ въ царствованіе Екатерины II и отличился въ сраженіи при Ларгѣ; къ концу кампаніи Руничъ имѣлъ уже чинъ майора. Вспыхнувшій на Уралѣ пугачевскій бунтъ побудилъ Рунича зачислиться въ свиту графа Петра Ивановича Панина, назначеннаго Императрицей для усмиренія бунта, а вслѣдъ затѣмъ онъ опредѣленъ былъ въ составъ Секретной комиссіи, образованной для изслѣдованія причинъ бунта и розыска преступниковъ на самомъ театрѣ дѣйствій противъ мятежниковъ. Комиссія эта слѣдовала по пятамъ Пугачева и въ станицѣ Каменкѣ, на Волгѣ, даже видѣла его издали съ остатками его разбитыхъ Михельсономъ полчищъ. По поимкѣ Пугачева Руничъ назначенъ былъ привезти его въ Москву, потомъ отправленъ вѣстникомъ объ этомъ событіи въ Петербургъ, а затѣмъ въ южную армію къ графу П. А. Румянцеву. Въ Декабрѣ 1774 г. Руничъ переведенъ былъ, по собственному желанію, въ гражданскую службу. Въ царствованіе Императора Павла Руничъ былъ Вятскимъ, а потомъ Владимірскимъ губернаторомъ и пользовался довѣріемъ Государя. Александръ I пожаловалъ его въ 1805 году сенаторомъ. Умеръ 24 Февраля 1825 года.

Руничъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, находился въ дружескихъ связяхъ съ Н. И. Новиковымъ и оставилъ послѣ себя интересныя „Записки“ о пугачевскомъ бунтѣ.

(Съ портрета, писаннаго Н. Аргуновымъ; собраніе Императорской Академіи Художествъ.)

23

PAUL STÉPANOWITCH ROUNITCH, 1747—1825, conseiller privé, fils d'un émigré galicien, fut mis encore enfant au Corps des Cadets de la Noblesse, à la sortie duquel il fit la première campagne de Turquie sous le règne de Catherine II et se distingua à la bataille de la Larga; dès la fin de la guerre, il eut le grade de major. Lorsque éclata la sédition de Pougatcheff dans l'Oural, il eut l'idée de se mettre dans la suite du comte Panine, qui avait été désigné par l'Impératrice pour réprimer l'émeute, puis il fut nommé membre de la Commission secrète formée pour l'étude des causes de l'affaire et la recherche des coupables sur les lieux. Cette commission serra de près Pougatcheff, et même, à Kamenka, sur le Volga, l'aperçut de loin accompagné des débris de sa troupe, dispersée par Michelson. Pougatcheff pris, Rounitch fut chargé de l'amener à Moscou et d'aller à Pétersbourg porter la nouvelle; après quoi, il partit pour l'armée du midi commandée par le comte Roumiantzeff. En décembre 1774, il passa sur sa demande au service civil. Sous Paul Ier, il fut gouverneur de Viatka et de Vladimir, et s'attira la confiance de l'Empereur. Alexandre Ier le fit sénateur en 1805. Il mourut le 24 février 1825.

Rounitch était un des hommes les plus cultivés de son temps; il fut en relations d'amitié avec Novikoff, et laissa d'intéressants Mémoires sur la sédition de Pougatcheff.

(D'après l'original d'Argounoff, Académie des Beaux-Arts.)

Пис. Аргуновъ | Peint par Argounoff

Павелъ Степановичъ Руничъ, 1747-1825 | Paul Stépanowitch Rounitch, 1747-1825

24

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ УБРИ, 1775—1847, тайный совѣтникъ, отецъ извѣстнаго нашего дипломата Павла Петровича Убри (посла въ Берлинѣ), принадлежалъ къ плеядѣ многочисленныхъ иностранцевъ, вступившихъ въ русскую дипломатическую службу въ концѣ XVIII вѣка. Службу началъ съ мелкихъ степеней, поступивъ въ 1793 г. въ Коллегію Иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ; черезъ 4 года зачисленъ въ канцелярію вице-канцлера князя А. Б. Куракина, а въ 1798 г. опредѣленъ „для исполненія письменныхъ дѣлъ" къ ген.-отъ-инфантеріи Лассію. Въ 1800 г. назначенъ секретаремъ русской миссіи въ Берлинѣ и пожалованъ мальтійскимъ кавалеромъ. Въ 1801 г., во время посольства гр. А. И. Моркова, Убри ѣдетъ съ нимъ въ Парижъ въ качествѣ секретаря посольства и, по отъѣздѣ Моркова изъ Парижа въ ноябрѣ 1803 г., остается нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ около года. По возвращеніи въ Россію, Убри былъ зачисленъ въ канцелярію Министерства Иностранныхъ дѣлъ, гдѣ заслужилъ довѣріе тогдашняго товарища министра, князя Адама Чарторыйскаго. Когда, послѣ Аустерлица, для переговоровъ о возстановленіи отношеній съ Наполеономъ и о нашихъ военно-плѣнныхъ, рѣшено было послать въ Парижъ второстепеннаго чиновника, выборъ князя Чарторыйскаго палъ на Убри, который былъ командированъ туда въ качествѣ спеціальнаго комиссара. Здѣсь имъ былъ подписанъ, вопреки полномочій, договоръ, который не былъ ратификованъ Императоромъ Александромъ; Убри получилъ выговоръ, высланъ въ деревню, и затѣмъ вышелъ въ отставку. Черезъ три года (въ Апр. 1809 г.), однако, онъ снова поступилъ на службу въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ и назначенъ сначала секретаремъ, а затѣмъ повѣреннымъ въ дѣлахъ нашего посольства въ Кёнигсбергѣ, гдѣ въ то время находился прусскій дворъ. Въ 1812 г. Убри вернулся въ Россію и причисленъ къ министерству, будучи въ чинѣ д. статскаго совѣтника и въ должности „экспедитора французскаго языка". Въ эпоху конгрессовъ былъ вызванъ въ Верону и затѣмъ занималъ рядъ дипломатическихъ постовъ меньшаго значенія, въ качествѣ нашего посланника въ Неаполѣ (1823 г.), Мадридѣ (1824 г.), при Гессенъ-Кассельскомъ дворѣ и во Франкфуртѣ (1835 г.), наконецъ, въ Дармштадтѣ (1841 г.).

Въ качествѣ политическаго дѣятеля представлялъ собой типъ безличнаго дипломата Нессельродовской школы de la bonne cause, не имѣвшаго индивидуальности. Скончался въ 1847 году.

(Съ портрета работы Крюгера; собственность баронессы М. Н. Будбергъ, въ С.-Петербургѣ.)

24

PIERRE YAKOVLEWITCH D'OUBRIL, 1775—1847, conseiller privé, père du célèbre diplomate russe Paul d'Oubril, ambassadeur à Berlin, fit partie de la nombreuse pléiade d'étrangers qui prirent du service dans la diplomatie russe à la fin du XVIIIe siècle. Il passa par tous les échelons inférieurs: entré en 1793 au Collège des Affaires étrangères comme actuaire, il fut, quatre ans plus tard, attaché à la chancellerie du vice-chancelier prince A. Kourakine, puis, en 1798, „délégué aux écritures" près du général d'infanterie Lassi. En 1800, il fut attaché comme secrétaire à la mission russe à Berlin et fait chevalier de l'Ordre de Malte. En 1801, lors de l'ambassade du comte Morkoff, il l'accompagna à Paris en qualité de secrétaire d'ambassade, et, à la suite du rappel de Morkoff, en 1803, resta encore près d'un an comme chargé d'affaires. De retour en Russie, il fut attaché à la chancellerie du ministère des Affaires étrangères, où il se concilia la confiance du ministre adjoint, le prince Adam Czartorysky. Lorsque, après Austerlitz, il fut question, pour les négociations relatives au rétablissement des relations avec Napoléon et aux prisonniers de guerre, d'envoyer à Paris un diplomate de second ordre, le choix du prince Czartorysky tomba sur Oubril, qui partit en qualité de commissaire spécial. Comme tel, il outrepassa ses pouvoirs en signant une convention qui ne fut pas ratifiée par Alexandre; Oubril reçut un blâme et dut se retirer dans ses terres, puis prendre sa retraite. Trois ans plus tard pourtant, en avril 1809, il reprit du service au ministère des Affaires étrangères, fut nommé d'abord secrétaire, puis chargé d'affaires, de l'ambassade de Kœnigsberg, où se trouvait alors la cour de Prusse. En 1812, il revint en Russie et reçut au ministère, avec rang de conseiller d'état actuel, les fonctions „d'expéditionnaire pour le français". A l'époque des congrès, il alla à Vérone; il occupa ensuite une série de postes diplomatiques d'importance secondaire, comme ministre à Naples (1823), à Madrid (1824), près la cour de Hesse-Cassel et à Francfort (1835), enfin à Darmstadt (1841).

Comme politicien, il est bien le type du diplomate impersonnel de l'école „de la bonne cause" de Nesselrode, sans la moindre individualité. Il mourut en 1847.

(D'après l'original de Krüger, propriété de la baronne M. Boudberg, à St-Pétersbourg.)

24

Пис. Крюгеръ — Peint par Kruger

Петръ Яковлевичъ Убри, 1775-1847 | Pierre Yakovlewitch Oubril, 1775-1847

25

Графъ **МАТВѢЙ ЮРЬЕВИЧЪ ВІЕЛЬГОРСКІЙ**, 1794—1866, оберъ-гофмейстеръ, сынъ графа Юрія Михайловича, сначала польскаго посланника въ Петербургѣ, а потомъ русскаго сенатора и дѣйств. тайн. совѣтника, отъ брака съ графиней Софьей Дмитріевной Матюшкиной, родился 15 Апрѣля 1794 г.; 18 лѣтъ поступилъ корнетомъ въ 3-й Украинскій казачій полкъ и участвовалъ въ войнахъ 1812—1814 годовъ. Съ 1813 по 1821 г. былъ адъютантомъ при князѣ В. С. Трубецкомъ, а затѣмъ служилъ въ Псковскихъ кирасирахъ. Въ 1826 г. вышелъ въ отставку полковникомъ и чрезъ годъ пожалованъ въ камергеры и назначенъ членомъ Театральнаго комитета, по упраздненіи котораго перешелъ въ Министерство Иностранныхъ дѣлъ и здѣсь занималъ мѣсто директора Департамента Хозяйственныхъ дѣлъ. Съ 1839 г. онъ былъ шталмейстеромъ и управляющимъ дворомъ Великой Княгини Маріи Николаевны, а съ 1856 г.—оберъ-гофмейстеромъ, состоявшимъ при Императрицахъ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и Маріи Александровнѣ.

Гр. Віельгорскій игралъ видную роль въ общественной жизни и заслужилъ почетную извѣстность, какъ меценатъ-покровитель ученыхъ, художниковъ и особенно музыкантовъ; онъ и самъ былъ талантливый музыкантъ: игралъ на віолончели, сочинялъ пьесы для этого инструмента и въ молодости хорошо пѣлъ. Віельгорскій былъ однимъ изъ основателей и первыхъ директоровъ Русскаго музыкальнаго общества и завѣщалъ свою библіотеку и инструменты Петербургской консерваторіи, при чемъ, однако, свою знаменитую віолончель работы Страдиваріуса лично подарилъ Давыдову, какъ музыканту, достойному быть ея владѣльцемъ; онъ былъ также вице-предсѣдателемъ Общества поощренія художниковъ и однимъ изъ главныхъ дѣятелей общества посѣщенія бѣдныхъ. Намѣреніе его жениться на графинѣ Строгановой почему-то не осуществилось, вызвавъ въ свое время въ Москвѣ вообще удивленіе и массу толковъ въ обществѣ, такъ что, по словамъ князя Вяземскаго, гр. А. П. Толстая (рожд. Протасова) увѣряла, что будто первой ея заботой на томъ свѣтѣ будетъ узнать тайну „желѣзной маски“ и причину разрыва свадьбы гр. Віельгорскаго. Онъ остался навсегда холостымъ. Умеръ въ Ниццѣ 21 Февраля 1866 г. и похороненъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

(Съ портрета К. Брюллова; принадлежалъ въ 1901 г. М. А. Веневитинову.)

25

Le comte MATHIEU YOURIEWITCH WIELGORSKY, 1794—1866, grand-maréchal de la Cour, fils du comte Youri Mikhaïlowitch, qui fut d'abord ambassadeur de Pologne à St-Pétersbourg, puis sénateur russe et conseiller privé actuel, et de la comtesse Sophie Dmitriewna, née Matiouchkine, naquit le 15 avril 1794. A l'âge de 18 ans, il entra comme cornette au 5e régiment de cosaques de l'Ukraine et fit les campagnes de 1812—1814. De 1813 à 1821, il fut aide de camp du prince V. Troubetzkoï, puis servit aux cuirassiers de Pskoff. En 1826, il prit sa retraite comme colonel, et, un an après, fut fait chambellan et membre du Comité des théâtres, à la suppression duquel il passa au Ministère des Affaires étrangères: il y occupa le poste de directeur du Département économique. A partir de 1839, il fut écuyer et gérant de la Cour de la Grande-Duchesse Marie Nicolaewna, et, à partir de 1856, grand-écuyer attaché aux Impératrices Alexandra Féodorowna et Marie Alexandrowna.

Le comte Wielgorsky joua un rôle marquant dans la société et se fit une notoriété comme Mécène et protecteur de savants, d'artistes et surtout de musiciens; lui-même était un musicien de talent: il jouait du violoncelle, composait pour cet instrument, et, dans sa jeunesse, avait eu aussi un talent de chanteur. Il fut un des fondateurs et des premiers directeurs de la Société des Musiciens Russes, et légua au Conservatoire de Pétersbourg sa bibliothèque et ses instruments, à l'exception toutefois de son fameux violoncelle Stradivarius, qu'il donna lui-même à Davydoff, comme à un musicien qu'il en jugeait digne. Il fut aussi vice-président de la Société pour l'Encouragement des Artistes, et un des membres les plus actifs de la Société d'Assistance aux Pauvres. Ses projets de mariage avec la comtesse Stroganoff n'eurent pas de suite, on ne sait pourquoi, ce qui excita à Moscou l'étonnement général et fit beaucoup causer dans la société: la comtesse A. Tolstoï, née Protassoff, assurait même, au témoignage du prince Viazemsky, que son premier souci, dans l'autre monde, serait d'apprendre le secret du Masque de Fer et la cause de la rupture du mariage du comte Wielgorsky; il resta célibataire pour toujours. Il mourut à Nice le 21 février 1866 et fut inhumé à l'église de l'Annonciation, au monastère d'Alexandre Newsky.

(D'après l'original de K. Brulloff, ayant appartenu en 1901 à M. Vénévitinoff, à Moscou.)

Пис: К. Брюлловъ | Peint par K. Bruloff

Графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій, 1794–1866

Le Comte Mathieu Iouriewitch Wielgorsky, 1794–1866

2007088105